

Вальдемар ЦОРН

ЛИСТАЯ
ПАМЯТИ
СТРАНИЦЫ...

Вальдемар ЦОРН

ЛИСТАЯ
ПАМЯТИ
СТРАНИЦЫ...

Вальдемар Цорн

ЛИСТАЯ
ПАМЯТИ
СТРАНИЦЫ...

Рассказы

УДК 82-94:27-29

ББК 86.376

Цор81

Цорн В.

Цор81 Листая памяти страницы: Рассказы. — Корнталь: Свет на Востоке, 2005. — 176 с.

ISBN 3-935435-50-9

«Листая памяти страницы...» — книга о жизни, богатой событиями, встречами и расставаниями, печальми и радостями. Жизнь всегда больше книги, и автор, оглядываясь назад, выбирает из прожитой им «книги» самые дорогие и значимые «страницы» и раскрывает их перед читателями, приглашая к сопереживанию и совместным размышлениям. Читателей ожидает радость творческой сопричастности — их память отзовется своими воспоминаниями, очень схожими с тем, о чем пишет автор книги, и совершенно иными, потому что у каждого своя жизнь и свои «страницы памяти». Эту книгу нельзя пересказать, ее можно только прожить — увидеть мысленным взором картины и лица, ощутить дыхание времени и осознать Божье присутствие в каждом эпизоде бытия.

УДК 82-94:27-29

ББК 86.376

Редактор: Валентина Новомирова

Корректоры: Ирина Никольская, Елена Пеннер

Верстка и дизайн: Андрей Цорн

Изд. № 01.408

ISBN 3-935435-50-9

© Издательство «Свет на Востоке», 2005

*Эльвире,
моему другу и жене,
и моим детям — с любовью посвящается.*

Всему свое время, и время всякой вещи под небом.

Екклесиаст

Мы никогда не видим мир таким, какой он есть. Мы видим его таким, каким его показывает нам наша память. Это она определяет, что важно и что неважно, что ценно и что не представляет никакой ценности. Со временем память наполняется встречами, впечатлениями, знаниями, опытом, и мы начинаем иначе относиться к вещам и людям, явлениям и событиям. Нам вдруг становится важным то, на что мы раньше не обращали внимания, и мы перестаем замечать то, что раньше занимало нас целиком.

— Тебе пятьдесят, — говорит мне Эльвира, — напиши детям о твоей жизни.

И я стал, особенно в поездках, вдали от дома и дорогих мне людей, листать страницы памяти. Я собрал их в определенном порядке, расставил акценты и предлагаю вам, мои дорогие друзья, пролистать их вместе со мной.

Я делюсь с вами тем, что мне дорого. Если у вас возник вопрос по ходу чтения или вам захочется поделиться со мной тем, что дорого вам, напишите мне письмо. Я буду рад примерить к моему сердцу то, что ценно вам.

Вальдемар Цорн

ЭХ, СЫН РОДИЛСЯ!

Если искать на карте Кулундинскую степь, то наверняка не найдешь ее. Когда говорят об Алтае, то обычно о горах думают, а я родился в алтайской степи, в небольшом селе с красивым названием Сереброполь. Только так оно стало называться после войны, до войны оно носило немецкое название Зильберфельд.

Пытаясь восстановить в памяти село, вижу только колхозную МТС (машинно-тракторную станцию), где работал отец; на пригорке магазин — единственное кирпичное здание в селе; нашу двухэтажку — старое деревянное строение — и такой же ветхий деревянный клуб, где раз в неделю показывали кино. Как сейчас помню мой первый и единственный фильм, который я видел в этом клубе: «Приключения маленького Мука». Село состояло из двух улиц, пересекавшихся почти под прямым углом. Там, на пересечении улиц, и находился центр села с клубом и единственным двухэтажным домом — двухэтажкой. В этом доме я и родился.

После войны прошло только пять лет. Еще не все российские немцы вернулись из трудармии (концлагерей для советских немцев во время войны), в сибирских селах еще жили ссыльные калмыки и чеченцы.

И в нашей однокомнатной квартирке, расположенной на верхнем этаже двухэтажки, вместе с нашей семьей, состоявшей из папы, мамы, пятнадцатилетней Ольги и двухлетнего Андрея, жили два калмыка. Как их звали, я не помню, да меня тогда еще и на свете не было. Вернее,

я уже был, но меня еще не было видно: я спал в большом округлом животе моей мамы, страстно желавшей иметь дочь.

В нашем селе детей еще рожали по старинке, на дому. Были в селе женщины, известные как повивальные бабки, так вот их и приглашали, когда наступало время родить.

В ноябре в Сибири уже зима. Темнеет рано, в четыре-полпятого уже вечер. По степи, где взгляду не за что зацепиться, ветер гонит перекасти-поле и бросает первые горсти снега на окоченевшую стерню бесконечных полей. По небу, едва поспевая за стремящимся неизвестно куда ветром, ползут темные, нагруженные снегом облака.

Когда я своим криком объявил, что мне холодно и неудобно, я еще ничего не понимал и ничего не слышал. И хорошо, что так, а то бы я услышал, как роженица, то есть моя мама, слабым, но полным надежды голосом спросила: «Дочь?» — «Нет, сын». Повивальная бабка меня помыла, завернула в теплые пеленки, протянула матери. Но мама отвернулась к стене и разочарованно сказала: «Эх, сын родился!»

Во время родов, на которых отец, вопреки мудрым женским советам, обязательно хотел присутствовать, ему стало плохо. Когда он немного пришел в себя, ему положили на руки меня, нового человека в этом холодном, враждебном и грустном мире.

Три дня мама не брала меня на руки. Но потом смирилась. А когда спустя время увидела, как у меня из-под шапочки ползет вошь, всполошилась. В ее сердце прос-

нулась материнская любовь, смывшая разочарование. Она меня искупала, передела, обогрела, прижала к груди.

В этой любви я купаюсь всю жизнь.

ВЕСНА

Зимы в Сибири долгие и холодные. Пурга иногда на целые недели отрезает села от всего мира. Поэтому все, и особенно дети, радуются весне. Солнце с каждым днем все более прогревает землю. Остатки снега можно найти только под прошлогодней соломой, под кучей навоза в огороде да в зарослях лесопосадки, которая ограничивает мой мир на востоке.

Но двор от улицы ничем не ограничен. Он зарос мелкой травой, которую мы называли калачиками. Через дорогу, на юг, волнами уходят покрытые изумрудной зеленью озимой пшеницы колхозные поля. Между волнами — ляги, так в Сибири называют впадины между холмами. В лягах — талая вода. Целые озера талой воды. Только верхний слой земли прогрелся, а глубже она еще застывшая от сильного и долгого мороза. Поэтому вода уходит медленно.

Однажды мы с братом Андреем и двоюродным братом Генкой спустились в одну такую лягу. Домов не видно. Только небо и изумрудные берега озера, вода в котором такая чистая и спокойная, что не сразу и поймешь,

где пшеница в воде, а где — на берегу. В озере отражаются синее небо и пушистые облака. Звонкая тишина только усиливает чудесность момента. Не раздумывая долго, я с тихим благоговением и замиранием сердца перед чудом вокруг нас вхожу в воду, такую манящую и такую студеную. Всколыхнувшаяся поверхность воды разбросала облака и скрыла небо.

Отрезвление пришло быстро. Сначала страх — я чуть не утонул в ляге, вода даже с краю была мне по грудь. Ребята бросились меня спасать. Промокли с ног до головы. Потом — шумное возмущение перепуганной до смерти мамы. Она быстренько раздела меня, велела раздеться Андрею и Генке и усадила нас всех нагишом на завалинке дома у нагретой весенним солнцем стены. «Заболеете, если не прогреетесь как следует!» — шумит мама. Мне четыре года. Я сердцем чувствую неповторимость чуда. Мир так прекрасен!

ГОРОХ

Между нашим огородом и соседним — высокий, выше головы, плетень. За ним растет горох. Я знаю, что это не наш горох. Он принадлежит тете Розе. Это в ее огороде растет горох, упругие, сочные, сладкие стручки которого так манят меня.

За нашим сараем есть в плетне пролаз. Наверное, наш Шарик его сделал. Там я и пролез в прекрасный мир

черной смородины, малины и свежего гороха. Я знаю, что это плохо: залезть в чужой огород и есть чужой горох, но поделаться с собой ничего не могу. Это чувство бессилия перед властью греха я потом испытывал не раз. Горох в огороде тети Розы был для меня первым осознанным мною искушением. Не успел я отведать и трех стручков, как в огород вошла тетя Роза. И я обогатился важным для всей моей последующей жизни опытом: грех твой найдет тебя.

Тетя Роза больше удивилась, чем рассердилась. Что она говорила, я не помню. Я помню только глубокое чувство стыда. «Адам, где ты?» — эти слова Бога, обращенные к моему согрешившему предку, эхом отозвались в моем детском сердце. Я почувствовал, что переступил какую-то невидимую, но реально существующую грань. Так я познакомился с грехом.

НА ПЛЕЧАХ ОТЦА

Дом наш, типичная длинная мазанка с плоской глиняной крышей, на которой местами проросла лебеда, — третий на нашей улице. Перед домом — двор, поросший мелкой травой, которая ранней весной цветет мелкими красивыми цветами, а чуть попозже, где-то в июне, мы рвем ее семена, похожие на малюсенькие калачи. Отсюда название травы — калачики. За домом — сеновал, за сеновалом — огород, где растут картошка и всякие овощи.

Посреди огорода — тропинка, по которой я бегаю туда и назад, туда и назад. В сердце теплится надежда и какое-то щемящее чувство ожидания: может быть, отец придет на обед. И точно, сегодня он идет. Я бегу ему навстречу, к самому концу огорода, и кидаюсь ему в руки, которые, чуть раскачав, забрасывают меня на плечи. Я сижу на плечах отца, я вижу окружающий мир в совершенно иной перспективе. С плеч отца я вижу плоскую крышу нашего дома и проросшую на ней лебеду. Все мои детские заботы и забавы улетучились. Сейчас важно только одно — я сижу на плечах отца, меня держат его сильные руки. Я совершенно счастлив!

Я думаю, что христианские психологи правы, говоря, что детям, которые имели любящего отца, легче довериться Богу. Отца моего нет в живых уже несколько десятков лет. Но знакомое с детства чувство радостного ожидания не покидает меня. Иногда он мне снится. Во сне я осознаю, что вижу сон, что отца нет со мной, но я все равно радуюсь, видя его, хоть и во сне.

Я жду встречи с ним. Эта встреча будет не сном, а началом общения, которое никогда не закончится. Я благодарен Богу, что увидел мир с плеч отца и что у меня в душе появилось чувство пустоты, когда я осознал, что не имею общения с Богом. Я знал, что искать; я знал, Кого искать. Я побежал к Нему, в конец огорода, и бросился Ему в руки.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Рядом с нами, в такой же сложенной из камыша и обмазанной глиной хате, живет самое прекрасное в мире существо. (Ее имени я уже не помню.) Под вечер, когда я беру ее за руку и мы, закинув за плечи мешки, вдвоем идем собирать кизяки, мне кажется, что я могу все. «Объездчик говорил, что в лесопосадке волчица вывела волчат», — говорю я моей спутнице и с радостью отмечаю, как она инстинктивно сжимает мою руку и делает шаг поближе ко мне. «Не бойся, я с тобой», — отвечаю я, и сердце мое наполняется желанием подвига ради этой замечательной девочки. Мне даже кажется, что я был бы рад повстречаться с волком, чтобы защитить ее.

Угля у нас в то время не было, и печи топились кизяком. Все дети в деревне, а нас было человек десять, собирали кизяки. Вечером, до того как стадо возвращалось с пастбища, мы шли собирать лепешки, оставленные утром выгоняемыми на луга коровами. К вечеру лепешки были сухими, с завернутыми вверх краями.

Иногда, поднимая лепешку, пальцы попадали в невысохший навоз, но это нисколько нас не смущало. Запахи коровы, молока и свежеепеченного хлеба на всю жизнь остались самыми родными. Как и пробудившееся в раннем детстве стремление к подвигу ради любимого человека.

ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ НА ТЕБЯ УПАДЕТ АТОМНАЯ БОМБА?

Читая я научился в пять лет. Старшая сестра Ольга приносила мне газету. Газета называлась «Звездочка». По ней я и научился читать. Был у Ольги друг, с которым я познакомился, когда он вернулся из армии. У них с Ольгой были какие-то проблемы, которых я не понимал. Этот друг дал мне книжку с картинками. На каждой странице было по картинке и короткому сопроводительному тексту. На одной из страниц был нарисован большой гриб. С удивлением я прочитал, что этот «гриб» — взрыв атомной бомбы. На других картинках были нарисованы люди, которые прятались от этого взрыва. Мне хорошо запомнилась иллюстрация: за окном дома, вдали, над степью — «гриб» от взрыва атомной бомбы, а в комнате головой к окну лежит человек. Руки его прикрывают голову. Из сопроводительного текста мне стало ясно, что, если я увижу за окном «гриб» от взрыва атомной бомбы, мне нужно лечь под подоконником и закрыть голову руками. Помню, что я уже тогда засомневался, поможет ли это.

За свою жизнь я прочитал много книг, но первая мне запомнилась навсегда. Когда мне было лет двенадцать, а Андрею, моему старшему брату, соответственно, четырнадцать, мы жили в Казахстане. Мама работала стрелочницей. Иногда в ночные дежурства, особенно на дальний пост, который находился очень далеко в степи, она брала нас с собой, чтобы ей было не так страшно.

В одно из таких дежурств посреди ночи небо озарилось яркой вспышкой света. Мы выскочили из будки поста и стояли посреди казахстанской степи, рассматривая расширяющийся на половину неба огненный шар, который втягивал в себя, казалось, весь мир. Далеко в небе были видны огни самолета, сбросившего, наверное, где-то далеко над степью атомную бомбу. Только позже я узнал о моратории на испытания атомного оружия в воздухе. А тогда мы стояли и смотрели на это удивительное зрелище, которое длилось минут, может, пять или десять.

Этот огненный шар не был похож на «гриб» из моей первой книжки, и я не лег головой к окну в будке поста и не прикрыл голову руками.

КОНЬКИ

Немцы и другие бесправные строили дома на Алтае очень примитивным способом. В землю по периметру будущего дома вбивались колья или вкапывались столбы. Столбы изнутри скреплялись рейками или обрезками досок с пилорамы. Потом вставлялись пучки камыша. Камыш привозили с Кулундинского озера. Затем камыш прижимался снаружи рейками, и стены были готовы. По верху столбов клались поперечные балки, покрывавшиеся горбылем и толстым слоем камыша. Вся эта конструкция внутри разделялась на комнаты.

Первой со стороны улицы была спальня родителей. Потом кухня, потом шли сени, отделявшие жилую часть дома от сеновала и сарая. Так что зимой можно было проходить на сеновал и в сарай, не выходя из дому.

Со стороны двора к сениям пристраивалась небольшая прихожая, где стоял ларь с зерном и откуда топилась большая печь, в которую был вмонтирован огромный котел. В нем жарили ячмень и пшеницу для «кофе», который называли «припс», а также пережаривали мясо откормленной на зиму свиньи. Когда жарили пшеницу, то румяную, до кондиции кофе еще не дошедшую давали нам в качестве лакомства. На праздники в котле варили на всю общину борщ.

Все это сооружение из столбов, балок, реек и камыша обмазывалось глиной, смешанной с соломой и коровьим навозом, и дом был готов. Почти все дома в селе были такой постройки. Земляной пол выравнивался и также смазывался слоем глины, смешанной с навозом. Иногда пол покрывали толем. У нас в одной комнате на полу был толь, а в спальне моих родителей, она же и «зал», пол был глиняный. Раз в месяц или немного реже, в любом случае перед праздниками, пол «обновляли», и тогда во всем доме пахло свежим навозом и печеным. Эти запахи до сих пор ассоциируются у меня с ожиданием праздника, с чувством родного дома.

Покрытый толем пол кухни красили коричневой, так называемой половой, масляной краской. В кухне стояла плита, на которой готовили. Плиту летом топили соломой и польнью, а зимой — заготовленным летом кизяком. Из

коровьего навоза, смешанного с соломой и половой, лепились брикеты, похожие на маленькие кирпичики. Их сушили на солнце и складывали в штабеля.

Однажды, когда родителей не было дома (они были в гостях в соседнем селе), из печки выкатился уголек и скатился с расстеленного перед топкой листа жести на толь. Толь, покрытый густым слоем краски, загорелся и сильно задымил. Весь дом наполнился едким дымом. Мы, дети, выскочили на улицу. Кто-то побежал к Реймерам, нашим родственникам, жившим неподалеку. Дядя Андрей прибежал и первым делом решил открыть кухонное окно, рама которого была забита гвоздями и покрашена голубой краской. Он пытался открыть окно то одним, то другим инструментом, но у него ничего не получалось. Тут ему под руку попались коньки, которые были у нас одни на всех. Пользуясь коньком как стамеской, он, наконец, открыл окно, влез в дом и потушил огонь.

Грустный, держал я в руках конек с отломанным концом. Все, теперь на этих коньках уже не покатаешься. Не помню, чтобы я переживал за дом. А вот то, что конек сломали, еще долго причиняло мне боль. Даже в Казахстане, куда мы переехали в 1957 году, когда уже гонял на своих собственных коньках, играл в хоккей на залитой водой из неисправной водопроводной колонки и обледенелой улице, я вспоминал о сломанном коньке с глубоким сожалением. Может быть, потому, что это была моя первая осознанная утрата.

Пол в кухне на следующий день покрыли новым толем и покрасили новой краской. Я не знал, что масляная краска сохнет долго и, сгорая от любопытства, вошел в новую кухню, оставив пыльные следы. Мать сердилась, а отец сказал: «Он же не нарочно. Оставь его. Это же только пол».

ЗИМА

Пурга. Это слово вызывало у жителей нашего села страх. Когда зимой начинался снегопад с ветром, то в первую очередь люди вспоминали тех, кто был в пути. Почти каждую зиму кто-нибудь, попав в пургу, замерзал в пути.

Зимой в соседние села люди ездили на конных санях или на санях, прицепленных к тракторам. Но даже тракторам в метель трудно было пробиться из одного села в другое. Зимними вечерами взрослые собирались за нашим круглым столом и рассказывали друг другу истории одна страшнее другой. Посреди стола стояла «семиленнойная» лампа, освещавшая только лица, а углы комнаты оставлявшая в тени, что придавало рассказам особую таинственность и достоверность.

Я засыпал под этот полусшепот рассказчика, и мне снились волки и заблудившиеся в пургу люди. Я часто не мог различить, что видел во сне, а что слышал от взрослых. Иногда я от этих снов посреди ночи просыпался и, слыша мерное дыхание родителей, успокаивался и вновь засы-

пал. Иногда я плакал, и мама брала меня на руки и успокаивала. Она подносила меня к замерзшему, покрытому чудесным узором окну и показывала на улицу: «Смотри, там никого нет». Я сначала пугался собственного отражения в окне. Снега намело до половины окна, и мне было странно видеть сугроб «изнутри».

Утром, когда пурга утихала, отовсюду слышался скрип шагов по плотному снегу, голоса людей, откапывавших двери домов, радостный лай собак, получивших, наконец, свободу бегать по улице. На Алтае двери в домах открывались вовнутрь, а не так, как обычно, наружу, чтобы можно было выйти из заметенного снегом дома.

После пурги весь мир менялся. Домов, как правило, не было видно, одни трубы торчали над снегом. Из труб поднимался прямо к небу голубой дым. Пахло свежим хлебом и специфическим запахом горящего кизяка. Поля походили на белую пустыню с белоснежными барханами. К вечеру они уже были исчерчены двойными полосками, следами, оставленными мышами, зайцами и лисами. Лесопосадка превращалась в крепостной вал, за которым где-то далеко был Китай.

От занесенного снегом сеновала в глубь огорода спускался огромный пологий сугроб, становившийся на несколько дней самым интересным местом. По этому сугробу можно было кататься на санях или просто скатываться в огород. Снег набивался в валенки и за ворот шубки. Когда уже становилось невмоготу, когда ноги мерзли от растаявшего в валенках снега или мама звала ужинать, игра прекращалась. Было жаль прерывать

общение с зимой на долгий вечер и ночь. Я с детства воспринимал сон как напрасную, хоть и неизбежную, трату времени. Интересно, будет ли в вечности сон?

ШТУНДА

К нам в село приехал дядя Беккер. В комнате человек двадцать взрослых и пять-шесть детей. Что дядя Беккер рассказывает, я не понимаю. Говорит он очень долго. Я засыпаю под столом, среди ног и юбок. Просыпаюсь, а голос рассказчика все еще слышен. Выглядываю из-под стола. Вижу, что все слушают очень внимательно. Засыпаю у ног мамы. Просыпаюсь оттого, что все становятся на колени. Молятся долго. Я опять засыпаю. Просыпаюсь оттого, что все поют. Поют одну песню, вторую, третью... Я засыпаю. Просыпаюсь поздно утром. Дяди Беккера уже нет. Он уехал в другое село. Там тоже собирается «штунда».

Я проспал покаяние моих родителей, проспал их крещение и запоздалое венчание, которое проводили под покровом ночи. Принимало крещение и венчалось сразу двадцать пар. Папа, как только сам покаялся и принял крещение, стал помогать дяде Беккеру крестить других уверовавших. Так в Сереброполе возникла община братских меннонитов.

Я этого тогда еще не знал и не понимал. Я только помню, что часто долгими зимними вечерами засыпал под

столом у ног мамы под протяжное благоговейное пение. Это было мое первое, еще не осознанное, прикосновение к Церкви.

А еще помню, что мама оставляла нас одних под приглядом Андрея Леткемана, когда «штунда» собиралась у других и родители надолго уходили из дому. Я помню, как я пытался понять, взрослый Андрей или нет. Можно ему довериться или нет.

ПОЛ В НОВОМ ДОМЕ

Мы живем в Казахстане, на станции Сарань-Угольная, у наших дальних родственников Грунтманов. Мои родители строят дом на улице Арычной. Это крайний дом на этой улице. Улица короткая, домов всего девяносто. И почти все начали строить одновременно. Целыми днями мы играем на стройке, иногда помогаем как-нибудь. Мы сколачиваем маленькими гвоздиками большие щиты из дранки, а наша старшая сестра Ольга приколачивает их к горбылям, из которых сделан потолок в нашем доме. Стены шлаколитые.

Дом наш представляется мне, по сравнению с тем, на Алтае, очень большим. Особенно потолок кажется высоким. Может быть, оттого что пол еще не настелен — только столбики из кирпича подготовлены. Из разговоров взрослых знаю, что пол — самое главное дело в доме. Нельзя, чтобы доски были с грибком. В короткое

время такой пол прогнивает, и от грибка потом не избавишься. Потому-то у нас пол еще не настелен. Трудно найти доски на пол.

Рядом с нами строят Шереры. Хотя у них дети нашего возраста, мы с ними не дружим: их родители не хотят, чтобы дети попали под влияние «штунды». В воскресенье на нашей стройке никого из взрослых нет. Только мы после собрания играем в прятки или догонялки. В воскресенье работать — грех, считают мои родители. На стройке у соседей кипит работа. «Wann wollen diese Knierutscher bauen?! (Когда эти богомолы собираются строить?!» — презрительно говорят Шереры. Это первые неверующие немцы, с которыми я познакомился. Мне до сих пор странно видеть немца-безбожника, хотя знаю теперь и Гегеля, и Энгельса, и Фейербаха.

«На сто пятой шахте списали деревянную будку с автобусной остановки, и я могу ее получить. Всего за три рубля и пятьдесят копеек», — рассказывает с радостным возбуждением отец за столом. Разбирать будку едем всей семьей. Досок от будки хватило на пол во всем доме и даже на голубятню над сараем. Странно смотрелись признания в любви вроде «Маша + Дима = любовь» на стенах голубятни. Ругательства отец сострогал.

Наш дом готов. Особенно отец радуется полу: ровный получился, шпунтованные доски плотно прилегают друг к другу. В новом доме, в светлом зале с двумя окнами, собирается «штунда». В соседней комнате, в спальне моих родителей, я укачиваю мою сестренку Ирму. В гости приехал дядя Беккер. Он рассказывает

историю о Лоте. Рассказывает так, что все слушающие захвачены повествованием. И я помню историю о Лоте с его слов до сих пор. Вместе с сестренкой я засыпаю под становящийся мне все более непонятным немецкий говор.

Шереры второй раз меняют пол: никак от грибка избавиться не могут. Я понимаю, почему. Не следовало им смеяться над верующими в Бога людьми.

СТАНЦИЯ САРАНЬ-УГОЛЬНАЯ

Шахты можно определить по терриконам, которые насыпаны возле них. Мне терриконы кажутся большими горами, иногда они дымятся от самовозгоревшегося угля, как вулканы. Шахты связаны между собой железнодорожными путями, вернее, все они связаны с обогатительной фабрикой. И все железнодорожные пути сходятся на станции Сарань-Угольная, вокруг которой вырос небольшой поселок, состоящий из нескольких улиц: Станционной, Маяковского, Островского, Арычной и Новой.

На Станционной живут наши родственники Кнаусы и Реймеры, а также портной Морель, который шьет всем ребятам поселка тапочки из брезента, и моя одноклассница Валя Сухорукова, замечательная маленькая девочка с курчавой головой, соломенного цвета волосами и прекрасными голубыми глазами. Однажды за обеденным столом я объявил родителям, что если бы Валька была немкой, я бы на ней женился.

На улице Маяковского живут мои друзья: Вовка Клейн, отец которого сгорел живьем во время аварии на железной дороге, Петька Царьков, у него тоже нет отца, он живет с матерью, и Немтырь. Немтырь — цыган, он глухонемой и живет только с матерью. Отца у него тоже нет. К его матери ходят мужики со всего поселка. Немтырем его называем мы. Как его зовет мать, не знаю. Знаю, что вскоре после нашего переезда в Киргизию он попал в тюрьму.

На улице Островского живут Грунтманы, которые нас приютили, когда мы приехали из Сибири. Эдик, старший из многочисленных детей, стал моим другом на всю жизнь.

Потом идет семья Леткеманов. Они тоже приехали с Алтая. С Петькой я хожу в один класс. Когда его спросили, почему он не вступает в пионеры и не носит галстук, он встал и четко и ясно сказал: «Потому что я верю в Бога!» Петькой я до сих пор восхищаюсь.

Дальше стоит дом нашей старшей сестры Ольги. Она живет с мужем Николаем. Николай — украинец. Его родители тоже живут в нашем поселке. Когда мы были на свадьбе Николая и Ольги, отец его дал нам с Андреем выпить «кваса». Мы так захмелели, что нас пришлось отвести домой. Отцу Николая досталось от его жены. Николай посылал меня за сигаретами. По дороге из магазина я обычно одну вытаскивал. Он замечал, но ничего не говорил. От него я научился курить. Мне нравилось, как он сидел с сигаретой в зубах, прищуривав один глаз от дыма, и паял самодельный радиоприемник.

На Арычной улице живем мы. На нашей улице дома идут только по одной стороне. Другая сторона называется Новой улицей. На ней живет самый сильный человек, который мне когда-либо встречался. Зовут его Хан Ва Ик. Он мог на плече принести из города, что в нескольких километрах, целый мешок муки. Он кореец. С его дочерьми я хожу в школу. Они очень плохо говорят по-русски. Я не заметил, как семья корейцев исчезла. Их просто не стало, и никто не знал, куда они уехали. Шепотом говорили, что за границу: то ли в Корею, то ли в Китай.

Многие наши родственники и знакомые работают на станции или в мастерских, обслуживающих станцию. Дядя Яша Ларинец, эту фамилию ему дали в детдоме, а на самом деле он Лоренц, работает на снегоочистителе. Папа — в мастерских слесарем, мама — стрелочницей.

За линией, так мы называем целую сеть железнодорожных путей, возле которых расположена станция и сам поселок, — огромная глубокая лужа, метров двести длиной и шестьдесят шириной, которая весной становится настоящим озером. За ним — огороды. Каждый вечер нужно таскать ведрами воду из озера и поливать помидоры и огурцы. В каждую лунку по полведра. Налить один раз меньше — незаметно, делать так каждый вечер — увидишь, что на соседнем огороде помидоры и огурцы есть, а на нашем — чахлые и слабые подобия сочных овощей.

И этот опыт формирует мое отношение к жизни.

Дальше идут участки с картошкой. Ее нужно мини-

мум два раза за лето прополоть. А будет урожай картошки или нет, зависит от того, будет ли в этом году дождь вовремя. Между рядами и между участками, на межах, растёт прекрасная ягода — паслен. Зеленый он — горький и ядовитый, а черный, спелый — чудесное лакомство. Иногда мы собираем паслен на вареники.

За участками картошки начинаются холмы, поросшие там и сям карликовыми акациями, которые у нас называются карагаником. Если уйти подальше и улечься в низине между холмами, в зарослях караганика и огромных лопухов, то терриконов не видно — видно только небо, слышны только щебет птиц да далекие гудки паровозов, снующих между шахтами и увозящих куда-то в никуда длинные составы с углем.

Здесь прошло мое детство. Здесь я ходил в лесопосадку за ранетками, мелкими такими яблочками, ходил на плотину карасей и красноперку ловить, вдоль железнодорожной линии — рвать траву для коровы, которая по непонятной нам причине приходила домой вечером с пастбища голодной.

За арыком была большая поляна, на которой мы весной собирали грибы, а летом рвали дикий чеснок, натирали им корку хлеба, посыпанную солью, и ели это лакомство с непередаваемым удовольствием. На этой поляне мы все лето играли в футбол.

Мы прожили в поселке Сарань-Угольная почти семь лет.

Я УМЕЮ ПЛАВАТЬ

Когда весной талая вода в арыке (от него и название нашей улицы, так как она в него упиралась) взламывала лед и несла льдины в болото за Финским поселком, лужа за линией становилось большим полноводным озером. Из шпал, а их было на станции вдоволь, мы сколачивали плоты и плавали на них по этому озеру, отталкиваясь от дна длинными шестами. Плот из трех шпал, скрепленных скобами, считался хорошим судном, из пяти — крейсером.

Мы с Андреем плыли на пятишпальном плоту, когда с соседнего, меньшего, плота кто-то решил перепрыгнуть на наш. Равновесие на плоту удержать не удалось, и мы все оказались в воде. Я окунулся в воду с головой. Начал грести и... поплыл. Нырнул еще раз — под водой плыть оказалось еще легче, чем на поверхности. Так я научился плавать.

В этой луже мы купались каждое лето.

Вода была коричневая, и при долгом пребывании в ней вокруг рта образовывалась своеобразная «борода с усами».

ВЛАСТЬ КНИГИ

Школа находилась в Сарани. Это было большое двухэтажное здание, во дворе которого лежал фюзеляж

военного самолета. Говорили, что самолет упал где-то в степи и разбился.

Библиотека находилась на первом этаже, сразу справа от входа. Книги можно было менять на переменах. Иногда я по нескольку раз в день становился в очередь. «Тебе еще из этой стопки нужно брать. И больше двух не бери!» — говорила строго библиотечарша и показывала на стопку книг, возле которой стояла табличка «Для второго класса». Но книги в этой стопке были такими тонкими и с таким обилием картинок, что их мне хватало только до следующей перемены.

Случалось, мне удавалось вытащить книгу из стопки для старшеклассников. Эти книги были в основном на военную тему. Иногда мне в руки попадал исторический или приключенческий роман. О, тогда я был счастлив! Книга уносила меня в прекрасное прошлое, я открывал для себя Америку или Сибирь, путешествовал с Марко Поло или отправлялся в странствия по Амазонке.

Я полюбил Фенимора Купера и Джека Лондона, я открыл для себя Майна Рида и Жюль Верна. От всей души полюбил дядю Тома прекрасной писательницы Бичер-Стоу и Дерсу Узала Арсеньева. С «пятнадцатилетним капитаном» и другими «детьми капитана Гранта» я ночь напролет пересекал Африку.

Я без оглядки отдался во власть книги.

ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА

В школе нам давали бесплатные завтраки, состоявшие из еще теплого пирожка с повидлом и пачки молока. Зимой молоко было со льдом. Я думаю, оттого у меня зимой часто случалась ангина. А когда у меня была ангина, я с высокой температурой лежал в постели и часто бредил в жару.

«Мы пойдем встречать Новый год, а вы останетесь дома», — сказала мама. У меня была высокая температура, и я не хотел, чтобы мама уходила встречать Новый год. «Андрей за тобой присмотрит, — отвечала мама на мои возражения. — Да и сам ты уже большой».

Я лежал в постели и горел от высокой температуры. Новый год мне представлялся пожилым человеком. А то почему бы его нужно было идти встречать? «Но почему тогда его называют Новым годом?» — думал я в полудреме. Новый — значит, молодой. Я никак не мог понять, что значит «идти встречать Новый год». Не знаю, может, поэтому я не люблю праздники. До сего дня.

На стене над моей кроватью висел вышитый мамой коврик с изображением двух ангелов и текстом на немецком языке: «Auch in dunkler Nacht Gottes Auge wacht» (Божье око бодрствует и в темной ночи). В детстве, особенно когда я болел и целые дни проводил в постели, эти слова были мне утешением, позже, когда я ходил не туда, куда надо, и делал не то, что нужно, — грозным предупреждением.

КОНЕЦ ДЕТСТВА

«У твоего отца кирпич за пазухой! — кричит и брызжет слюной от ненависти учительница. — Рассказывай, чем он занимался!» Я учусь в четвертом классе. К нам домой пришли «кагэбэшники» и несколько милиционеров и арестовали отца. Я не понимал, зачем им нужно было приходиться с пистолетами в руках, зачем выламывать доски пола, вспаривать подушки, вываливать все из ящиков комода и искать там что-то непонятное, что они называли «вещественными доказательствами».

Когда я был на суде, то узнал, что они нашли вещественное доказательство «преступлений» моего отца — бумажку с несколькими именами. Это означало, что «гражданин Андрей Андреевич Цорн семь человек вовлек в секту».

Суд в памяти остался как что-то очень темное и непонятное. Судили несколько человек. Огромное стечение людей, в основном враждебно настроенных, я воспринимал как олицетворение зла. Отцу дали пять лет условно.

Завуч вызывала меня к себе в кабинет и требовала, чтобы я вступил в пионеры. Я упорно сопротивлялся. Она оплеухами и грозной руганью пыталась мне доказать преимущества общества строителей коммунизма перед «сборищем мракобесов». Я тогда еще не знал, что Никита Хрущев объявил нещадную войну всему, что мешает построению коммунистического общества и воспитанию нового человека. Особенно зловредными препятствиями в воспитании человека коммунистического будущего ему

казались религиозные пережитки (он обещал народу в ближайшее время показать по телевизору последнего баптиста) и недостаток зерна. На эти два «фронта» он мобилизовал всех людей во всем государстве, от мала до велика.

Мне было больно и непонятно, почему мои одноклассники, даже друзья мои, отвернулись от меня. Почему на вопрос учительницы: «Кто знает, чем противозаконным занимается семья Цорн?» — один из моих одноклассников, которого я считал другом и с которым мы играли у нас дома, ответил: «Я знаю!» Смотрю, а Ванька тянет руку: «Мама Вовки рисует библейские тексты и вешает их на стену». Я удивленно смотрел на него и не понимал, почему он меня предаёт. Ведь его никто за язык не тянул. Друзей у меня осталось всего несколько. Они и сегодня мои друзья.

В феврале 2003 года я был в Москве на миссионерской конференции Евроазиатской федерации евангельских христиан-баптистов — она проходила в профилактории профсоюза какого-то столичного завода. А в мае 2003 года, будучи с Эльвирой на миссионерской конференции фонда «Свет на Балканах» в Софии, мы жили несколько дней в бывшей резиденции ещё одного борца против верующих — Тодора Живкова. Может быть, мы жили в тех же комнатах, в которых жил Хрущев или его идеологи во время посещения Болгарии, не знаю. Прошло почти пятьдесят лет, верующих в странах бывшего Советского Союза больше, чем когда-либо прежде. «Сказал безумец в сердце своем: „Нет Бога“».

Это сейчас легко рассуждать о взаимоотношениях между церковью и государством, а тогда, во время суда, да и после, когда все газеты писали о верующих гнусную ложь, когда образованные люди верили, что баптисты приносят в жертву детей и при закрытых дверях и окнах устраивают сексуальные оргии, когда по телевизору постоянно крутили фильмы вроде «Тучи над Борском», — тогда быть верующим человеком было непросто.

Я всей душой отверг коммунистические лозунги, за которыми я увидел безбожную человеконенавистническую систему.

Мое детство прошло на территории КарЛага — системы лагерей рабского труда, занимавшей в Казахстане территорию больше Франции.

Здесь закончилось мое беззаботное детство. Я осознал, что живу в большом и враждебном мире. Разрушилась невидимая защитная пелена, ограждающая детей от этого мира и пропускающая только то, что ребенок способен воспринять и сопережить.

УРОК АРХЕОЛОГИИ

Кнаусы получили посылку из ГДР. В ней были новые туфли. Такие красивые и такие жесткие, что я не мог себе представить, чтобы кто-то мог их носить. Чтобы туфли в посылке не помялись, их набили бумагой.

Мама и сестра ее, тетя Катя, сидят у нас на кухне и,

возбужденно разговаривая, рассматривают расправленные и разложенные на столе листы журнала Германского библейского общества, которые они вынули из тужель. В журнале фотографии пустыни и пещеры, текст на немецком языке.

— Что там написано? — спрашиваю я, сгорая от любопытства.

— Недалеко от Иерусалима и Мертвого моря, в пустыне, нашли рукописи Библии, — рассказывает мне мама. — Вот в этой пещере, — она показывает мне снимок, — были найдены свитки книг, которые мы и сегодня еще читаем.

— А на каком языке они написаны?

— На еврейском.

До сих пор я думал, что Библия — книга немецкая. Написана готическим шрифтом. И истории в ней не имеют никакого отношения к современной жизни. А тут я вдруг понял, что народ Библии жив еще и сегодня и что Библия — его книга. Я понял, что у Библии — свой мир, которого мы не знаем, потому что живем в стране, где Библии объявили войну.

Отец выкопал во дворе колодець. Некоторое время в нем была нормальная питьевая вода, потом ею можно было только огород поливать, наконец колодець совсем засолился, и отец решил его засыпать. В ямки, оставшиеся от столбов ворота колодца, я бросил горсть монет, которые вышли из употребления. Хрущев совершенно неожиданно для людей провел денежную реформу, и деньги уценились в десять раз. Медные монеты остались

в ходу по новому курсу, а «белые» — нет. Я спрятал все свои сбережения в землю. Я представил себе, что когда-нибудь археологи найдут их и увидят, что здесь жили люди, а по монетам они смогут определить, что жили здесь люди во времена «великих перемен». Шел 1961 год. Юрий Гагарин полетел в космос и, вернувшись, сказал, что Бога он не видел.

ПЕРЕЕЗД

Так как нам с Андреем нужно было в школу, а родители дом еще не продали, они отправили нас с дядей Давидом Кнаусом и со всем скарбом на грузовике. Сами же должны были позже приехать поездом.

Я очень радовался поездке в кузове грузовика на «бесконечное» расстояние в тысячу километров. Сразу за Карагандой, с ее бесчисленными шахтами и множеством населенных пунктов, начиналась Голодная степь. Дорога шла меж холмов, покрытых остатками жухлой травы и выгоревшим на солнце бурьяном. Лишь по берегам узких, пересохших речушек зеленели заросли кустарников, а кое-где и камыша. На машину удивленно смотрели суслики, стоящие у своих нор и в панике бросавшиеся в нору при нашем приближении. Кое-где видны были какие-то заброшенные постройки. Иногда равнодушным взглядом нас провожали верблюды.

Жара, пыль, монотонное мелькание холмов клонили

ко сну. Дядя Давид ехал с шофером в кабине. В кузове с нами был еще один попутчик — приятель водителя. Я видел, как они купили перед отъездом бутылку водки, к которой теперь наш попутчик постоянно прикладывался. Я думаю, что он руководствовался по-детски наивным правилом: один глоток незаметно, он погоды не делает. К вечеру выпив всю бутылку, он крепко спал, когда мы остановились на ночлег в поселке Рудник. Я уже поднимался на скалистый холм возле поселка, когда увидел, как шофер колотит кулаками своего товарища. «Неужели из-за водки?» — спросил я дядю Давида и попросил его вмешаться в драку. «Нет. Не из-за водки. Просто друзья так не поступают», — ответил дядя, отказавшись вступать за эгоиста.

К вечеру следующего дня мы проезжали через Фрунзе, столицу Киргизии. Меня потрясли огромные деревья, которые росли вдоль дорог, и обвитые плющом фонарные столбы на проспекте, по которому мы ехали на нашем запыленном грузовике. Контраст между цветущей и зеленой Киргизией и пустынным, покрытым черной угольной пылью Казахстаном был поразительным.

ШЛАГБАУМ

Меня сегодня «прописали» на Шлагбауме. Шлагбаум — так называется наша часть села. Когда-то здесь действительно стоял шлагбаум. Шлагбаума давно нет, а

название осталось. Так называется и остановка автобуса, и наша банда.

Мы с Андреем в первый раз пошли в кино — в кино-театр «Красный Октябрь». Так и колхоз называется. Во время сеанса ко мне стал цепляться один парень из сидящей за нами группы ребят нашего возраста.

«После кино выйдем», — говорит один из них мне. Значит, скопом нас бить не будут, будет драка один на один. Кино меня больше не интересует, я все время думаю о предстоящем поединке.

Из клуба мы с Андреем выходим одними из первых, надеясь избежать столкновения, но большая группа наших ровесников уже ждет нас на тропинке, по которой мы хотели уйти.

Вызвавший меня на поединок гораздо выше меня и, как мне кажется, сильнее. Все образовали круг, и раздастся команда: «Давайте, начинайте». Я без слов налетаю на моего противника и бью его целой серией ударов в лицо, голову, грудь, куда попадаю. Он говорит: «Хватит!» Это общепринятый знак конца поединка. Длился он секунд десять, от силы двадцать. Паренек протягивает мне руку, а другой рукой вытирает нос, из которого сочится кровь. Мы — свои на Шлагбауме.

С моим противником мы учимся в одном классе. Друзьями мы не стали, но не стали и врагами. В этой уличной банде прошли несколько лет моей жизни. В живых и на свободе из тех ребят, насколько мне известно, остался только один, с которым я дружил, пока я не уехал во Фрунзе, где поступил в техникум. Потом наши пути разошлись.

НАСТОЯЩЕЕ ЧУДО

Шел 1963 год. Мы, то есть Андрей и я, уже месяц живем в Киргизии. Родители, остававшиеся в Казахстане для продажи дома, приехали всего недели две назад. Они купили небольшую старую хатенку с глиняной верандой. Над дверью — гнездо ласточки. Сейчас осень, птенцы давно уже вылетели.

Воскресенье, вечер. Мы сидим за столом и едим помидоры с луком, запавленные подсолнечным маслом, и свежий хлеб.

— Ее дела плохи, — рассказывает отец, посетивший тетю Клару в субботу. — Она не встает уже девять лет! Кроме заболевания крови, которому врачи никак не могут поставить диагноз, она уже девять лет как парализована. Дети в школе, Яков, муж ее, — на работе. Мать старенькая, сил мало. От пролежней в доме такой тяжелый запах... Она просила меня помолиться над нею, как написано в Послании Иакова, но я не смел. Я рекомендовал ей обратиться к церквям с просьбой об усиленной молитве. Сегодня в двух баптистских церквях, в Калининском и Романовке, молились об ее исцелении, а наши беловодские лютеране пошли к ней домой молиться.

— Дети еще не самостоятельные, — покачивает головой мама. — На кого они останутся? Почему Бог допускает такое? Она же верующая.

— Христос не обещал, что тем, кто будет Ему следовать, лучше житься будет, — возражает отец. — Счастье человека зависит от того, что у него внутри, в сердце.

В понедельник мама пришла от Кнаусов какая-то вся взъерошенная, возбужденная. Волосы выбились из-под платка. Такой я ее никогда не видел.

— Тетя Клара исцелилась!

— Что?! — в один голос воскликнули мы с Андреем.

— Да, да! Тетя Клара исцелилась!

— Как исцелилась?

— К ней пришел Христос, взял ее за руку и поднял с постели. Она здорова. Если хотите, можете сами убедиться. Идите и посмотрите.

Мы пошли. Тетя Клара жила недалеко от нас, так что минут через десять мы были у нее во дворе. Там уже толпилась группа верующих, которые стояли и почему-то тихо перешептывались. «Как на похоронах», — подумал я. Это лютеране. Они вчера, в воскресенье, приходили к тете Кларе молиться об ее исцелении.

Тетя Клара сидела в комнате, возле стола, и, думаю, в который раз уже повторяла пережитое ею.

— Сегодня утром я лежала, как всегда, здесь, возле окна. Яков уже ушел на работу. Вдруг в комнате стало светло, я почувствовала чье-то присутствие. Кто-то взял меня за руку. Вот за эту, парализованную. Повернувшись, я увидела высокого мужчину в белоснежной одежде, Его лицо было обрамлено светлыми длинными волосами. Мужчина сказал мне по-немецки: «Клара, раба Моя, вставай!» И я узнала Его — это был Иисус. «Я не могу встать», — ответила я. «Можешь. Вставай!» Но я не осмеливалась пошевелинуться, ведь я не вставала уже так долго, у меня пролежни, а ноги так ослабли, что я ими

даже и пошевелить не могу, не то чтобы встать на них.

Но Иисус взял меня и за вторую руку, поднял с постели. Я еще и сейчас ощущаю тепло Его сильных рук. Я сделала несколько шагов, вот досюда, — она показала на середину комнаты. — Я смотрела в Его глаза и не верила происходящему. Я думала, что это сон. «Расскажи об этом братьям», — сказал Он мне, и Его не стало, а я стою посреди комнаты в ночной рубашке. Смотрю на свои ноги, а они такие, как будто никогда не болели. Посмотрите на мою кожу — она, как у ребенка. И пролежней нет, — тетя Клара, немного покраснев, провела тыльной стороной руки по своей спине. — Я здорова! Я совсем здорова! Иисус меня исцелил!

Моя мама в это время вешала белье во дворе. Я постучала в окно и позвала ее в дом.

Вот она напугалась, увидев меня стоящую посреди комнаты! Я попросила ее дать мне платье, а то неудобно в ночнушке-то. Мы долго искали платье, пока нашли вот это. Я же когда последний раз платье надевала? Уж и не припомню.

Пораженные слушатели только головами покачивают от удивления. У многих в глазах слезы. Мать тети Клары стоит рядом с дочерью, гладит ее по голове и не перестает утирать слезы.

В местных и центральных газетах атеисты обрушились на «шарлатанов» и «фальсификаторов». Клара Цилих якобы никогда и не болела, просто притворялась, чтобы теперь такой шум поднять. Но я знаю, что здесь, в далеком селе Беловодском, в Чуйской долине, произо-

шло такое же чудо, как в Капернауме или Иерусалиме во времена Христа и апостолов.

А газетам я и до этой истерической кампании против верующих не очень верил. Теперь же еще меньше.

Я стою во дворе тети Клары, в толпе удивленных чудом верующих, и вдруг с некоторым страхом замечаю, что в сердце моем ничего не изменилось. Я стал свидетелем самого настоящего библейского чуда, а насколько это чудо повлияло на мое отношение к Господу, сказать не могу — я этого не заметил.

— Пошли домой, — говорит Андрей.

— Пошли, — отвечаю я.

Мы идем по пыльной сельской улице. Я думаю о том, что к весне нужно бы достать бамбуковое удилище, а то камышовые такие слабые. Как только клюнет сазан побольше — ломаются, и рыба срывается.

УРОК

Мы стоим на остановке и ждем автобуса или попутной машины. Вместе с нами на остановке ждут автобуса ребята со своими родителями — они, по всей видимости, домой едут. Мы едем на низа — так называют люди колхозы, лежащие в Чуйской долине вниз от Тянь-Шаня. Ехать далеко, километров сорок.

Собирались мы на рыбалку загодя и тщательно. Удочек, закидушек (там, говорят, сомы водятся!) набрали,

крючков купили, продуктов запасли. Одного мы только немного побаивались — тамошних пацанов. Чужих у нас, четырнадцатилетних, по всей Киргизии принято было бить. А мы ехали на чужую территорию. Поэтому я на остановке демонстративно, когда старшие не смотрели в нашу сторону, поправил торчащий за поясом (совсем как настоящий) револьвер и снова прикрыл его рубашкой на выпуск. Револьвер был из пластика, но это было видно, только если взять его в руки. Я заметил, как ребята многозначительно переглянулись. Довольный произведенным впечатлением, я с деланным равнодушием отвернулся.

Доехали мы благополучно. Нашли лежащий за селом большой пруд и расположились на дальнем берегу. По тому, как под вечер сазаны по всему пруду всплескивались, видно было, что рыбы в пруду много. Но мы пока ничего не поймали. Надеемся на закидушки, которые мы поставили на сомов.

Вечер в Киргизии короткий. После жаркого дня вдруг с гор тянет прохладой, солнце быстро садится за Киргизский хребет, в последний раз ярко осветив покрытые вечными снегами вершины. И небо раскрывается бесчисленным количеством звезд. Красота! Лягушки задают концерт. Громко мычит возвращающееся в село стадо.

Наш лагерь мы расположили в небольшой ложбинке, чтобы нас не было видно издалека. Совсем стемнело. Время от времени бегаем проверять закидушки и постепенно, один за другим, засыпаем беспокойным сном.

Просыпаемся от голосов. От множества голосов. Осторожно выглядываем из ложбинки. Нас ищут!

Огромная ватага пацанов под предводительством длинного, как жердь, парня лет семнадцати, цепью идет по берегу в нашу сторону. Очень слабая надежда, что не найдут, еще теплится в сердце. Нашли!

— Эй! Вы откуда? — спрашивает «старший».

— Из Беловодского...

— А здесь что ищете?

— Мы на рыбалку приехали.

Тем временем все наши вещи подвергаются тщательному досмотру. Все, что представляет для пацанов тринадцати-четырнадцати лет хоть какую-то ценность, отнимается. Возражений с нашей стороны — никаких. Какие могут быть возражения против тридцати возбужденных ребят посреди ночи?!

— Где пистолет?

— Какой пистолет? У нас только поджиг есть.

Поджиг тоже забирают. Но все усиленно ищут пистолет. Я догадался, о чем речь идет, но упорно молчу. Разбросав все наши вещи и забрав более или менее ценные, но так и не найдя пистолет, банда удаляется в сторону соседнего села, делая вид, будто они детдомовцы. Но я узнал нескольких ребят с остановки.

И еще я узнал, что тщеславие иногда наказывается сразу.

ЭССС

Андрей за меня переживает. После школы я только и делаю, что хожу с друзьями на Крепостной пруд на рыбалку. Время идет, а я еще не знаю, где и на кого буду учиться дальше. Школу я закончил с хорошими оценками, общий балл 4,5.

Андрей меня спрашивает, кем бы я хотел стать. Я говорю, что историком или геологом. Андрей берет мои документы и едет во Фрунзе искать мне место учебы. Он находит техникум и отделение, на которое записалось меньше всего абитуриентов.

Фрунзенский политехнический. Самое красивое здание в городе. Его можно увидеть на открытках во всех киосках Союзпечати.

Я получил приглашение на третье августа на вступительные экзамены. Экзамены я сдал, и меня приняли. Я узнал, что буду техником-электриком по специальности электрические станции, сети и системы. Учеба мне очень нравится, специальность — тоже. Через некоторое время меня выбирают старостой группы, и я получаю место в общежитии.

Три года учебы прошли быстро. Оставались только производственная и преддипломная практика, потом — работа над дипломом и его защита.

Я до сих пор с благодарностью вспоминаю решительность и заботу Андрея, отказавшегося от своей учебы в индустриальном техникуме, чтобы дать возможность учиться мне. Родители не в состоянии содержать двух

студентов, а стипендии хватает только на еду, да и то очень скромную.

ПРАКТИКА

Мне исполнилось девятнадцать лет. После сдачи экзаменов я, по распределению, попал на практику на юг Киргизии, в город Ош. В отличие от столицы, здесь, в основном, живут киргизы и узбеки. Нашел я камвольно-суконный комбинат, где мне предстоит работать, и общежитие, где я буду жить восемь месяцев. Ошский камвольно-суконный комбинат — комсомольско-молодежная стройка. Сюда приехали «по зову комсомола» десять тысяч ткачих и пять тысяч слесарей из разных регионов Советского Союза, в основном из Орехово-Зуево и Иваново.

После первого знакомства с сотрудниками, мастером и самой работой потянулись будни. Но какие будни! До глубокой ночи над микрорайоном, где расположены общежития, стоит гул. Пятнадцать тысяч молодых людей далеко от дома, оторванные от родных и друзей, развлекаются на танцплощадках и в залах общежитий, в парке и прямо на улице. Содом и Гоморра!

Местные жители реагируют на это нашествие агрессивно, там и тут вспыхивают драки. Среди ткачих много девчат легкого поведения, что привлекает молодых людей со всего города.

Почти каждый день среди рабочих разносится слух: опять в реке или в кукурузе труп нашли.

Я помню, когда я начал молиться. Я приходил поздно вечером домой, подвыпивший, после какой-нибудь вечеринки, которую обычно сам и организовывал. Ложился в постель, потолок шел кругом, в душе сумятица: я не хотел так больше жить. «Господи, где выход? Если Ты есть, ответь мне. Я больше не хочу так жить!» Я засыпал, и мне казалось — Бог молчит.

Сегодня мы с девушкой до обеда, так как оба идем на работу во вторую смену, ходили на речку купаться. Речушка протекает между кукурузными полями и большим лесопарком. Погода чудесная. В тени склонившейся над речкой ивы, у ее корней, мы нашли укромное уютное место. Вода в речке чистая и холодная. Мы радуемся нашей молодости, говорим о смысле жизни, о Боге.

С местными, узбеками и киргизами, у меня, немца, сложились хорошие отношения. Вечером, во время работы, один из слесарей, узбек по национальности, подошел ко мне и спросил:

— Ты ходил сегодня купаться с твоей девушкой?

— Да, — отвечаю. — Почему ты спрашиваешь?

— Мы играли сегодня в карты в кукурузном поле. Выигравшему должна была первому достаться девушка. Проигравший должен был избавиться от тебя. Но я узнал тебя и отговорил моих товарищей от этого дела.

— Спасибо! — отвечаю, зная, что он не шутит.

Я понимаю, что Бог еще молчит, но Он держит Свою руку надо мной. Я думаю, что ради молитв моих роди-

телей. «Когда в следующий раз буду дома, пойду с ними на собрание», — принял я тогда решение в сердце.

Однажды вечером я стою у окна и смотрю с высоты четвертого этажа на тротуар между домами. Я вижу там кучку курящих и разговаривающих между собой молодых людей.

Приближается полночь. Мне нужно идти встречать с работы свою девушку и проводить ее в женское общежитие. Идти страшновато. Беру нож и прячу его в руке. Спускаюсь на улицу. Никого не видно. Иду, настороженно оглядываясь. Прошел уже довольно далеко. Вдруг слышу топот догоняющих меня людей. Окружают меня и требуют:

— Раздевайся!

— Вы что, совсем... — пытаюсь возразить и получаю удар в лицо, от которого все же успеваю уклониться.

Мгновенно принимаю решение. Кидаюсь на одного, стоящего на пути к дому, он уклоняется. Я бросаюсь в образовавшуюся брешь и бегу, как только ноги несут. Навстречу попадают несколько человек. Они кидаются в сторону. Влетаю в подъезд, на одном дыхании взбегаю на четвертый этаж и влетаю в квартиру. Внутри все трясется.

Времени на размышления у меня нет. Моей девушке нужно идти домой. Одной — смертельно опасно. Я кладу на стол нож. Молюсь и иду вниз. Встречаю девушку, провожаю ее домой и возвращаюсь к себе. Бог все еще молчит, но Он учит меня надеяться на Него.

После этого я никогда больше не ходил вооруженный.

Мне казалось, что, вооружившись, я отказываюсь от Его защиты.

НЕ УПАДИ!

Я уже не первый раз на собрании баптистов в Романовке. Родители мои перешли в эту общину, надеясь привлечь и нас. Здесь, в отличие от калининской, куда они безуспешно пытались ввести и нас с Андреем, проповедуют и поют по-русски.

На утреннем воскресном собрании присутствуют человек сто пятьдесят. Григорий Максимович Слисенко — пресвитер. Он и в хоре поет. У него очень красивый голос. Поет он басом. Говорит с украинским акцентом.

Я люблю слушать пение хора. Поэтому сажусь впереди, на третьей или четвертой скамье. Рассматриваю лица. Мне нравятся все: старики и старушки, молодежь и люди среднего возраста. Я не могу этого понять и не могу описать, но эти люди отличаются от всех, с которыми я был до сих пор знаком. Во время проповеди, а их в воскресенье утром целых четыре, никак не могу сосредоточиться. Я не понимаю, о чем говорят проповедники. После каждой проповеди пение. Пение прекрасное. Опять проповедь. Просыпаюсь оттого, что кто-то сует мне в руки записку. Читаю на клочке бумаги: «Володя, берегись, упадешь со скамейки». Смотрю на маму. Она улыбается. Она рада, что я на собрании.

СВЕТ И ТЬМА

Я уже несколько месяцев посещаю собрания. Моя двоюродная сестра Фрида, с которой я в дружеских отношениях, тоже приходит на собрания. Я подружился с ее подругами, моими ровесниками, вернее, ровесницами: Ирмой и Эльвирой. Правда, они немного стесняются меня, потому что после каждого собрания я выхожу с ними и сразу закуриваю сигарету. Я несколько раз пытался бросить курить, но у меня ничего не получилось.

За это время я многое узнал из Библии, а также о Библии. Во время наших студенческих сабантуев мы дискутируем за полночь о Библии и Боге. Аргументов у меня еще не много, но и оппоненты мои знают мало. Во время споров я пытаюсь доказывать правоту Библии и опровергать учение Маркса и Ленина.

Сегодня воскресенье, восемнадцатое января 1970 года. Выхожу покурить перед сном. Снег завалил огород и сад. Все деревья в снегу. Вдоль тропинки, ведущей к домику в конце огорода, сугробы. Выкуриваю сигарету и бросаю ее в сугроб. «Мама увидит утром, огорчится», — подает голос совесть. Закидываю окурок снегом.

Вспоминаю собрание. Когда я вошел в молитвенный дом, в дверях меня, как и каждого входящего, остановила старушка. Вибетанте, так называют ее в церкви. Она сунула мне в руки клочок бумажки, вырванный из школьной тетради. Найдя свободное место, сажусь. Раскрываю бумажку и читаю: «*Приблизилось Царствие Божие, покайтесь и веруйте в Евангелие*» (Мк. 1:15).

Собрание идет своим чередом. Вместе со всеми я встаю, когда нужно, сажусь, когда можно, слушаю хор и проповедников, но ничего не слышу. Я держу в руках бумажку с текстом из Библии. Я его понимаю так: «Если уж ты говоришь, что Библия права, что не коммунизм, а Царство Божие приблизилось, то тебе самому следует покаяться и веровать в Евангелие». Я только значительно позже увидел, что слабо понимающая по-русски Вибетанте выписала текст из Библии, вырвав его из контекста. Но в тот момент это меня не волновало. Бог начал говорить со мной!

Стою на морозе, смотрю на усеянное звездами небо. Ощущение, что Бог говорит со мной, не проходит. Захожу в дом. Все уже спят. Андрей тоже уже лег. Я становлюсь на колени с мыслью: «Или сейчас, или никогда». Я открываю Богу свое сердце. Я молчу и плачу. Андрей просыпается и становится на колени рядом. Просыпаются родители. Отец и мать становятся со мной рядом на колени. Я молчу и плачу безудержно. Отец, мать, Андрей молятся обо мне. Отец кладет руку мне на плечо и спрашивает:

— Володя, неужели ты не веришь, что Господь простил тебе твои грехи?

— Верю, — отвечаю я сквозь слезы.

— Поблагодари Его.

После молитвы я лежу в постели и думаю: «Мне теперь нужно заснуть, как пишут в книгах, „с детской улыбкой на устах“». И тотчас засыпаю.

Утром мир для меня обрел контрастность. Я знаю, что

принадлежит к светлому Царству Бога, что чисто и свято, и что принадлежит к царству смерти, что греховно и нечисто. Я вдруг осознаю, что я наконец на правильной стороне, я вернулся к своему Отцу.

ЗАВЕТ

Нас на берегу семеро в белых одеждах. Здесь мои самые близкие друзья — Фрида и Эльвира. Раннее утро. На берегу Крепостного пруда в селе Романовка — небольшое собрание верующих, свидетели нашего вступления в завет с Богом через водное крещение.

Тому, что крещение состоялось, несмотря на все проблемы с властями, мы обязаны моему отцу. Я очень хотел пойти в армию членом церкви, а власти препятствовали проведению крещения. Отец сказал, что если крещение не будет преподавать пресвитер, то преподаст он. Теперь мы стоим на берегу, взволнованные предстоящим шагом и вчерашним членским собранием, на котором мы проходили испытание. Как мы волновались! И как мы потом радовались!

Над горами встает солнце. Мы входим один за другим в воду, и Григорий Максимович нас торжественно спрашивает: «Веришь ли ты, что Иисус Христос — Сын Божий и твой Спаситель?» «Верю!» — отвечает каждый. «По вере твоей крещу тебя во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь!» Стоящие на берегу вторят:

«Аминь!» и поют гимн «Не расскажет ручей говорливый никому моей тайны святой...»

Лучи утреннего солнца падают прямо на наши лица. Верующие нас обнимают, поздравляют, целуют, дарят цветы. Мы фотографируемся с Григорием Максимовичем и отцом.

Тому, что у нас есть фотографии этого знаменательного дня, мы обязаны двум крещаемым: Саше и Эдику. Сколько раз я уже смотрел на эти фотографии и вспоминал о своем завете с Богом!

Крещением я немного разочарован: я ожидал чего-то сверхъестественного, чего-то совершенно мне незнакомого, а все прошло торжественно, но как обычно. И мне немного стыдно, что я вошел в воду первым.

В молитвенном доме торжественное собрание с молитвой о крещенных с возложением рук. Во время молитвы надо мной, когда я ощущаю на своей голове тепло рук, мое сердце наполняется несказанным миром и умилением.

Я держу в руках чашу с вином вечери Господней и делаю из нее глоток. «Это Мой завет в Моей крови...» Я знаю, это Его завет со мной.

95109

Нас везут бесконечно долго, почти целую неделю. В каждом вагоне несколько сержантов и около шести-

десяти новобранцев. Почти на каждой остановке подстриженные наголо ребята бегают, вопреки всем запретам сопровождающих эшелон офицеров, за водкой и вином. День за днем идет пьянка, шум, ссоры и бесконечные разговоры ни о чем.

Большую часть дороги я провожу на верхней полке вагона, молясь, вспоминая песни, наблюдая за меняющимся за окном пейзажем. Сначала — долина реки Чу с разбросанными на расстоянии около тридцати километров друг от друга населенными пунктами, окруженными густыми садами и рядами пирамидальных тополей, потом — пустыня. Поезд идет медленно, поэтому пустынные пейзажи сопровождают нас дня два. Центральную Россию проехали в течение ночи. В Москве долго стояли на запасном пути и не могли никуда выйти. Выезжая из Москвы, видели издалека несколько типичных для Москвы «сталинских» зданий: университет Ломоносова, Министерство иностранных дел, гостиницу «Украина».

Конечная станция — город Ломоносов возле Ленинграда. Здесь будет проводиться распределение по флотам призывников из команды А200, то есть тех, кого признали годными к службе на атомных подводных лодках. Привезли нас сюда человек около трехсот или пятисот. Офицеры в морской форме подводников пытаются поднять новобранцам настроение, но им это не очень удается: все осознают, что за каторжная служба на подводной лодке, оборудованной атомным реактором и снабженной атомным оружием.

Молюсь. Знаю, что молится вся церковь и все родные. Служба на подводной лодке означает три года разлуки, три года одиночества, а я еще совсем «зеленый», неделю как принял крещение. Я очень боюсь не устоять. Наш самый популярный в церкви текст из Библии: «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни». Даю Богу обет: если Он сохранит меня, то я хочу служить Ему всю мою жизнь.

Всех выстроили перед зданием, в котором расположен распределительный пункт. «Есть среди вас техники-электрики?» — спрашивает вышедший из здания офицер. Несколько человек, среди них и я, поднимают руки. «Подойдите к десятому столу», — распорядился офицер.

В распределительном пункте подхожу к столу, на котором стоит табличка «10» и получаю распределение в учебную часть морской авиации. «Служить будете в морском флоте, но обслуживать не корабли, а самолеты морской авиации. Срок службы — два года. Форма одежды морфлотская. Вот ваше направление. Не забудьте номер вашей части — 95109. Следующий». У меня перехватило дух. Удивляюсь и радуюсь власти моего Господа, Которого от сердца благодарю за Его водительство. Мимоходом отмечаю для себя, что есть среди военных и вежливые люди, например, этот офицер говорил со мной дружелюбно и на «вы».

Когда вылетаю как на крыльях из распределительного пункта, ловлю на себе сотни завистливых взглядов.

Как я волновался, когда мне на медкомиссии в военкомате сказали, что у меня категория годности номер

один, гоюсь на атомные подводные лодки. «И специальность у тебя соответствующая, — утверждал военком. — А что баптист, то ничего, эту дурь из тебя выбьют. Или ты хочешь в воздушно-десантные войска?» «Нет, конечно!» — ответил я ему тогда.

И вот теперь — такое. Два года — не три. Три я даже себе представить не мог. Это же половина жизни!

Нас привезли в город Выборг, поселили в казармах досоветской постройки, в город, где только запущенность домов и русский язык говорят о том, в какой стране мы находимся, а вся архитектура этого городка, только чуть больше тридцати лет назад отнятого Советским Союзом у Финляндии, совершенно чужда нашему глазу.

Мне странно маршировать по вымощенным круглым булыжником мостовым, уложенным четким узором, среди домов, которые кажутся сошедшими с открытки.

В день получаю два-три письма, иногда даже больше. Учусь быть наедине с Господом. Это хорошо — иметь братьев и сестер, хорошо молиться в коллективе, совместно определяться по отношению к миру, к жизни. Учусь все свободное время проводить в чтении, молитве, размышлениях.

Сержант, командир взвода учебной части, спросил меня однажды:

— Ты говоришь, что Библия для тебя — единственное руководство в жизни. А что будешь делать, если не найдешь в Библии указания по какому-нибудь конкретному случаю?

— Я поступлю так, как труднее поступить. Правильно поступить всегда труднее, чем неправильно.

95109 — это сочетание цифр для меня знаменательно, оно говорит мне о том, что я во всем могу положиться на водительство моего Господа.

НОВЫЙ ЗАВЕТ

Я уже не могу читать Евангелие от Иоанна. Я читаю эти несколько страниц уже больше полугода, и мне трудно сосредоточиться на содержании, мысли уходят к одному или другому, и я от этого страдаю. Даже после более чем тридцати лет перед моими глазами встает текст напечатанного в подпольной типографии Евангелия от Иоанна, я даже помню, как оно пахло: типографской краской. Получить Новый Завет для меня — предел мечтаний. Иметь его в армии запрещено, но это уже вторая проблема. Главное — получить его.

И я его получил. От Фриды пришла бандероль, в которой были чистые конверты. Я пишу до десяти писем в день, поэтому никого не удивляет, что я получаю бандероль с конвертами. Пачка целых конвертов сверху и пачка целых конвертов внизу, в середине пачки конверты имеют вырез, в который поместился Новый Завет. У меня от волнения перехватило дух. Маленькая черная книжица. Издание Христианских Церквей и Церквей Христовых Канады и США, Торонто, 1964 год.

Меелис, мой друг-эстонец, подарил мне кожаный футляр для него, я пришел внутри робы специальный карман, куда Новый Завет помещается так, что его не видно стороннему взгляду.

Каждое утро я должен полчаса убирать в кабинете начальника штаба. Кабинет чистый, мне нужно только вытряхнуть пепельницу, протереть пол и смахнуть пыль — и у меня почти полчаса времени для чтения. Я опускаюсь на колени и читаю.

Часто во время чтения в мою душу вливается небесный свет. Это непередаваемое ощущение. После армии оно прекратилось. Мне кажется, что я просто повзрослел. Иногда, но все реже, я еще мог вспомнить это чувство, но потом уже нет. Я думаю, что это нечто вроде непосредственного откровения Бога через Его Слово. Я выходил из кабинета исполненный такой силы и радости, что меня просто «распирало».

И если случалось, что меня вызывали на беседу, то на каждый вопрос Господь давал мне ответ из Своего Слова. Это было так прекрасно! Офицеры меня очень уважали, ведь ко мне с целью перевоспитания прилетали «специалисты» из Москвы и ничего не могли со мной поделать. Они не знали тайны моей силы.

Однажды ночью ко мне на кровать присел старшина сверхсрочной службы Николай Шевчук и, тряся меня за плечо, разбудил. Шепотом говорит:

— Цорн, дай мне почитать Новый Завет. Я знаю, что у тебя он есть.

— У меня нет Нового Завета, — говорю. — Он не мне

принадлежит, а моей сестре. Она его мне прислала на время службы.

— Дай, прошу тебя! Клянусь, я его тебе верну.

— Хорошо. Возьмите, — я наклонился и вынул Новый Завет из тайника, который был устроен в тумбочке.

Через несколько дней старшина Шевчук, которому из-за его строгости и придирчивости дали кличку Драк-кон, вернул мне Новый Завет. Я знаю, что он читал его ночами, когда был в ссоре со своей женой и приходил ночевать в свою каптерку в казарме. Там же он слушал христианские радиопередачи, когда у меня отобрали радиоприемник.

Как бы я сегодня хотел найти Шевчука и поговорить с ним!

После армии я вернул этот Новый Завет моей двоюродной сестре Фриде. Дальнейшая его судьба мне неизвестна. Жалею. За годы, прошедшие после армии, у меня было уже несколько Библий: одну я оставил в автобусе, две другие пришли в негодность, стали распадаться.

Теперь у меня прекрасная Библия нашего собственного издания, с золотым обрезаем, в кожаном переплете с замочком. Юбилейное издание к 2000-летию Рождества Христова. Я ее очень люблю. Но еще и сейчас на моем рабочем столе лежит Новый Завет издания Христианских Церквей и Церквей Христовых — маленькая черная книжечка, набранная академическим шрифтом. Я иногда беру его в руки как самую большую драгоценность. Через эту книгу Бог так часто касался моего сердца!

ДРУГ

Я служу уже почти год. Служу в специальной эскадрилье противолодочной авиации техником-электриком, обслуживаю самолет. Когда самолет улетает, иногда на несколько часов, в моем распоряжении много свободного времени.

Читаю, слушаю христианские радиопередачи, если удается уединиться. Пристрастился было играть с сослуживцами в шахматы, но вскоре заметил, что мысленно продолжаю играть даже во время чтения или молитвы, и перестал играть в шахматы.

Уже давно веду дневник. Тридцать лет спустя, в новогоднюю ночь, я решил его перечитать. Читал почти неделю. Записи в дневнике, в основном, касаются моих бесед с матросами.

Особенно часто пишу о моем друге Меелисе Малве. Он пришел в армию совершенно неверующим человеком. Его мать работала заведующей клубом в селе Сонда, в Эстонии. У Меелиса есть мечта — стать штурманом на корабле дальнего плавания.

Теперь Меелис верит в Бога. Майор Смирнов поставил его перед выбором: или Цорн и Бог, или учеба в морском училище.

— И что ты выбрал? — волнуясь, спрашиваю его.

— Как ты думаешь?

— Я думаю, что ты правильно выбрал.

— Ты правильно думаешь, — говорит Меелис. —

Теперь мне моря не видать, сказал Смирнов.

— Смирнов — не Бог, — отвечаю и молюсь в сердце Богу, чтобы мечта Меелиса исполнилась.

Я знаю, что Меелис в свободной Эстонии стал командиром пограничного корабля, принимал участие в маневрах НАТО, а до этого ходил в море на рыболовецком судне. Старшая дочь Меелиса, Анника Ключева, стала штурманом. Я с ней переписываюсь.

ЗАЧЕМ БОГ ПОСАДИЛ В САДУ ДЕРЕВО ПОЗНАНИЯ?

Иногда матросам, особенно Меелису, с которым мы часто беседуем о Боге и Библии, кажется, что я знаю ответы на все вопросы. Но это не так. Сегодня, например, Меелис спросил меня:

— Слушай, а зачем Бог посадил в саду Эдемском дерево познания добра и зла?

— Не знаю, — отвечаю смущенно. — Откуда мне знать?!

Через короткое время, может быть, даже в тот же день, я, как обычно, ухожу на чердак слушать христианские радиопередачи. Я уже настолько привык к моему старенькому, со сломанным указателем частоты, приемнику, что узнаю станции в темноте по шумам глушилок и позывным.

В этот вечер я опять слушаю передачи из Монте-Карло. Проповедует Ярл Николаевич Пейсти. После своего

обычного, очень бодрого, приветствия он задает радиослушателям вопрос: «Зачем, думаешь ты, Бог посадил в саду Эдемском дерево познания добра и зла?» У меня аж дыхание перехватило и по спине мурашки пошли от такого явного ответа Господа на вопрос моего друга.

Ярл Пейсти объясняет, что есть принципиальная разница между невинностью и святостью. Испытанная свободой невинность становится святостью. Бог дал нам свободную волю, которую очень уважает, так как дал человеку возможность общения с Собой, святым Богом. Но Он желает общения с равными Себе, со святыми. Он желает иметь дело с добровольцами. Иметь или не иметь общение с Богом — твой выбор, как и выбор первого человека. Бог для того посадил это дерево, чтобы все человечество имело возможность сделать выбор. Но выбор наш не в том, есть или не есть с дерева познания, — этот вопрос решили за нас наши предки, — а в том, принимаем ли мы святость, обретенную для нас Иисусом Христом на кресте, где Он умер за все наши грехи, или отвергаем, основывая нашу жизнь на собственной философии или религиозных воззрениях. Этот выбор определяет наши отношения с Богом и, таким образом, наше местопребывание в вечности.

Я пересказал проповедь Меелису. Мне кажется, что факт получения ответа от Самого Бога таким удивительным образом произвел на него большее впечатление, чем богословское объяснение вопроса, зачем Бог посадил в саду Эдемском дерево познания.

ПОДВОДНЫЕ КАМНИ

— Товарищ старшина, можно мне лечь спать?

— Ложись.

Я лежу в темной казарме и пытаюсь уснуть. Еще рано. Мне ничего не мило, я ничего не хочу ни видеть, ни слышать.

Для меня стало частью моей духовной жизни, что во время молитвы мне на глаза наворачиваются слезы, что во время чтения Священного Писания какой-то текст особым образом касается моего сердца, что при воспоминании о церкви я умиляюсь. И вдруг все это исчезло. Как обрезало. И все потеряло смысл. Я иду на улицу молиться, становлюсь прямо в снег и кричу к Богу. Я жду Его прикосновения, я жду, чтобы Он коснулся моего сердца, а небо кажется мне медным, темным и немым, и молитвы мои уходят в никуда. Я в отчаянии. Я пишу письма домой, моим друзьям и родным, чтобы они продолжали усиленно молиться обо мне. Я в опасности.

Я стою на посту перед обитой металлом дверью. За ней — какое-то секретное отделение. На металлической двери кто-то накарябал ругательства, определив свое отношение к службе в армии. Я отстегиваю штук и тщательно, большими четкими буквами, вывожу посреди двери на уровне глаз «Бог есть любовь». На душе стало немного легче, но ненадолго.

Однажды вечером я поднялся на свой излюбленный чердак расположенной буквой «Г» казармы. Достая из-под половицы радиоприемник, который я купил у одного

из дембелей за тридцать рублей, то есть за почти годовую зарплату матроса, и ищу свои любимые позывные.

Я давно не слушал передачи Трансмирового радио из Монте-Карло, не знаю, сохранили они свои позывные или нет. Они еще и сейчас, более чем тридцать лет спустя, звучат в моих ушах. Есть в них что-то таинственное и призывное.

Радуюсь, что сегодня могу вновь слушать Ярла Пейсти и его сына Дуайта: «Мы поговорим сегодня об очень большой опасности для жизни веры: о чувствах. Об эти подводные камни разбился уже не один корабль веры». И шаг за шагом проповедник открывает мне мое положение, мое заблуждение, мою детскую неосознанную подмену жизни по вере чувствами. «Если вдруг в твоём доме вечером пропадет электричество и ты окажешься в темноте, неужели ты сядешь посреди комнаты и будешь стонать и плакать, оттого что ничего не видишь?» — говорит проповедник непосредственно мне. Каждое его слово, каждое его предложение — не в бровь, а в глаз.

Недослушав проповеди и не дождавшись конца передачи, встаю на колени на темном пыльном чердаке и благодарю Бога за Его урок, за Его утешение и обещаю верить Ему, а не своим чувствам, полагаться на Его Слово, а не на свои ощущения.

В мое сердце нисходит мир.

ТУМБОЧКА

У нас в казарме заменили мебель. Вернее, по всей казарме красуются новые тумбочки. Старые исчезли. Это первое, что бросилось мне в глаза, когда я вернулся с полетов сегодня вечером. Это шок для меня. В моей тумбочке — тайник, в котором я прячу Новый Завет и радиоприемник. В тумбочке я сделал второе дно. Это делают многие, и при каждом «шмоне» старшина Шевчук забирает все, что по уставу не положено матросу иметь. Мое второе дно занимает только половину глубины тумбочки, и при проверке старшина его не замечает. Но после того как я дал ему почитать Новый Завет, я засомневался в том, что он не знает о моем тайнике.

Воображение уже рисует страшные картины: приемник выпал, его отнесли майору Смирнову в политотдел (в армии коротковолновые приемники иметь запрещено), меня вызывают на допрос, приемник конфискуют.

В любом случае, моей тумбочки с тайником нет, и с ней нет моего радиоприемника. Я давно уже им пользуюсь.

Вместе с Ярлом Пейсти я «прошел» Деяния апостолов, жизнь патриарха Иакова, послание Иакова и множество других курсов. Я полюбил прекрасного писателя и поэта, мастера короткого рассказа Николая Водневского, стихи и песни Веры Кушнир. Я по голосу узнаю всех проповедников и певцов, я научился понимать украинский язык, слушая украинские передачи...

Спрашиваю у дневального, куда вынесли тумбочки. Он отвечает, что их унесли на склад, чтобы, когда будет машина, отвезти в котельную. В душе у меня такое смятение, как будто у меня пропал ребенок. Я хорошо знаю это чувство. Когда мне нужно было нянчить мою младшую сестру Ирму, я иногда так зачитывался книгой, что переставал замечать все вокруг. Спустя время я приходил в себя от визга тормозов на «асфальте» (так у нас называлась главная улица) и в панике бросался искать Ирму, которая, как правило, мирно играла в огороде или перед домом.

Прибегаю на склад и вижу гору сваленных как попало одинаковых тумбочек. Ищу свою, со вторым дном. Нахожу. С замиранием сердца сую руку в щель и нащупываю холодный пластик приемника. Весь дрожу от пережитого волнения. Я чувствую себя так же, как избежавший пожизненного одиночного заключения зэк.

Мои друзья, мои учителя остались со мной!

НАДОЕЛА ЕМУ ЖРАТВА

Я переписываюсь не только с друзьями на «свободе», но и с верующими в армии. О них я и молюсь каждый день. Иногда получаю письма от Эдика Грунтмана, он служит в морской пехоте на Дальнем Востоке, переписываюсь с еще не уверовавшим Олегом Жирновым, он пришел к нам в Романовку в церковь сразу после тюрь-

мы. Мама его, тетя Ганя, — мой большой друг, она у нас член церкви. Олег служит в Якутии. Пишу я ему часто и усиленно молюсь о его обращении к Богу. Он лежит в госпитале. Пишет, что познакомился там с медсестрой и теперь с ней дружит. Волнуюсь и молюсь.

Переписываюсь еще с одним верующим братом, который тоже перед самой армией принял крещение. Сначала его письма были полны веры и упования на Господа. Потом стали какими-то странными и непонятными. Например, он пишет, что «надоела ему эта жратва».

Естественно, питание в армии оставляет желать лучшего. Я тоже мечтаю хоть один раз нормально поесть. От перловой каши, жареной трески да жидкого компота поневоле заскучаешь по борщу и пельменям.

Но это письмо меня страшно взволновало. Я усиленно молюсь за него, чтобы он устоял перед явным искушением сатаны. Пишу об этом своим друзьям и родным, чтобы о нем молились, он в опасности.

Спустя время я получил письмо от него, что он оставил веру, перевелся на сверхсрочную службу. Для меня его решение подобно духовному самоубийству. Я потрясен до глубины души. Мне приходилось слышать, что армия для многих молодых верующих стала непосильным испытанием — отсюда и мой обет Господу, и ежедневный пост о сохранении. Но чтобы так, с открытыми глазами кто-то шагнул прямо в погибель — это ужасно.

Прошли годы. Я узнал, что он вернулся из армии, женился. Мы переехали жить в Литву и через знакомых узнали, что он пытался восстановить свои отношения с

церковью и Богом. Я думаю, что он отчаянно нуждался в душепопечителе, которого не нашел.

Он работал на заводе. Однажды утром его нашли в его одежном шкафу. Он повесился на собственном ремне.

РАДОСТЬ

Ранняя весна 1972 года. Я в армии. Стою возле чердачного окна, которое выходит на юго-восток. Там далеко — мои родные: мои друзья, моя семья, моя церковь.

Смотрю на маленькую, шесть на девять, фотографию нашей церкви на берегу пруда, снятую во время моего крещения, и не знаю, что делать с чувствами, переполняющими сердце.

Радуюсь. Радуюсь тому, что есть церковь. Что это реальность — общность рожденных от Бога людей. Эту фотографию я показывал моим сослуживцам и говорил: «Это моя церковь. Здесь каждый отдаст за меня жизнь, и я — за каждого». Этой церкви я радуюсь. Радуюсь тому, что принадлежу ей. Я знаю, что ради нее Бог сотворил Вселенную. Радуюсь тому, что ощущаю в себе жизнь, рожденную Богом.

Грущу. Еще так долго ждать. Пройдет много месяцев, бесконечное число дней я зачеркну в записной книжке, прежде чем смогу быть на собрании, видеть моих близких, общаться с друзьями и родными не прячась и сколь-

ко угодно читать Библию и молиться, не боясь, что сейчас зайдут матросы и увидят меня на коленях. Смогу не в одиночестве есть хлеб и пить вино в воспоминание о страданиях и смерти Иисуса Христа на кресте.

Общаюсь. Держу в руках хлеб и вино и соучаствую в страданиях Христовых. Вокруг полумрак, через маленькие дырочки в черепице пробиваются лучи света и создают вместе с толстыми перекрещенными балками и стропилами пыльного чердака непередаваемое сочетание света и тени, формы и пространства. Кажется, что само время изменило свой бег. И я на кресте. Я распят здесь, на этих грубых бревнах старой немецкой казармы. Ем хлеб и пью вино, осознавая свое единство с Телом Христовым, с Его распятым телом на кресте и с Его мистическим Телом — Церковью. Я — не один.

Надеюсь. На меня завели дело, говорит майор Смирнов, и вместо того чтобы отправиться домой, я отправлюсь «туда, где Макар телят не пас». Говорит, что за антисоветскую агитацию и пропаганду. За то, что, по его словам, я сбил с истинного пути нескольких комсомольцев. Надеюсь, что он прав. Что действительно есть люди, для которых я стал свидетельством. Надеюсь, что он обманывает, и меня ожидает не суд, а возвращение домой.

Стою у чердачного окна и пою те немногие песни, которые знаю на память. Я Его не вижу, но знаю, что Он здесь, рядом: я ощущаю на плече Его руку.

САРАНСК

Немного странно мне было писать письма, зная, что их, прежде чем отправлять на почту, фотографирует наш особый отдел. А узнал я об этом от одного из моих сторонников, Гинтараса Паулениса, который служил в этом отделе и как-то принес мне копию моего письма, сказав при этом:

— Узнаешь? Смотри, думай, прежде чем что-то писать.

— И у вас много таких писем? — спросил я его.

— Да почти только этим и занимаемся.

С тех пор каждый раз, когда я писал письмо, я писал его моему адресату и, как минимум, майору Смирнову. Так я однажды написал письмо моей старшей сестре Ольге в Казахстан, в город Сарань, а жила она в то время на улице Островского. Пишу ей не письмо о житье-бытье, а настоящую проповедь.

Прошло время, может, недели две. Получаю я письмо от одной девушки из Мордовии, из города Саранска, с улицы Островского.

Она написала, что видела по адресу, что письмо не ей, но так как она никогда не получала писем, ей было интересно узнать, что в нем. Она, конечно же, попросила прощения за то, что открыла письмо и прочитала его. Но содержание письма было ей так интересно, что она решила написать мне об этом, а мое письмо она переслала по правильному адресу.

Так у нас завязалась переписка. Вскоре она написала,

что нашла верующих и ходит на собрания. Я попросил у нее адрес пресвитера и написал ему письмо. Он в очень хороших словах описал мне покаяние и веру моей подруги по переписке и сообщил, что она собирается принять крещение, на что я ее благословил.

А что майор Смирнов думал, читая мое письмо, — не знаю. Бог знает.

КОСТИ

Когда меня забирали в армию, многого из жизни общин я еще не знал, да это меня и не особенно интересовало. Я знал, что мои родители из братских меннонитов и что община в Романовке, где я уверовал, — баптистская. Знал, что есть еще пятидесятники и православные.

В последний год службы я стал переписываться с Абрамом Ф. Его адрес мне прислала Эльвира.

После нескольких очень приятных духовных писем я стал получать письма, которые никак не мог понять. Речь в них шла об инициативной группе, о Совете Церквей и отступничестве руководства того союза церквей, к которому принадлежала наша Романовская община. Письма эти меня очень смутили. Я написал домой. Ответил мне отец, который не часто писал мне письма, но на эти мои вопросы он ответил.

«Володя, ты вступил не в организацию, а в общение с Богом. Все имеющие общение с Богом — Его Церковь.

Этого держись. Пусть тебя не смущает поведение одних или осуждение других. Научись сторониться и избегать всего, что производит разделение между тобой и твоим братом или сестрой, «ибо любовь Божья излилась в наши сердца Духом Святым, данным нам». Ты можешь сам с этими людьми, так называемыми «инициативниками», о которых так много говорят и пишут и которые нас критикуют, познакомиться. По пути домой ты можешь захватить в Прибалтику. Мы пришлем тебе деньги и адрес нашего друга Андрея Яковлевича Лёвена».

Так, сразу из армии, я попал на собрания «отделенных» в Риге, Адажи и Вангажи, на молодежное собрание в Сигулде, на братское совещание в Валге. Познакомился с находившимся в то время в подполье Иосифом Бондаренко, отсидевшим уже несколько сроков в тюрьмах и лагерях за свои убеждения. Он подарил мне мою первую Библию. Встретился и с будущими сотрудниками миссии «Открытые двери» — Герхардом Гаммом и Арнольдом Розе, с одним из будущих организаторов миссии «Фриденсштимме» — Германом Кортотом, Яковом Лёвеном и многими другими.

Особенно много беседовал с Андреем Яковлевичем Лёвеном, любвеобильность которого смягчала радикализм всего услышанного на совещаниях и в проповедях и беседах. Регистрированные — грешники, нерегистрированные идут путем святости — таков общий итог того, что я узнал в первые недели своего свободного общения с верующими.

Два года я ждал этого времени, два года я не имел

возможности посетить ни собрание, ни помолиться с братом по вере, а теперь узнал, что все мы — грешники.

Я приехал домой с кучей вопросов, особенно к братьям — руководителям общины.

И вот я во дворе нашего старенького молитвенного дома. Вокруг — сияющие радостью и любовью лица. Мама попросила меня прийти на собрание в морской форме, чтобы все, кто молился обо мне, видели, как я все это время выглядел.

После пения хора и приветствия пресвитера я с кафедры говорю свою первую проповедь о радости избавления (на текст из Псалма). Не проповедь, а свидетельство любви и благодарности Господу и церкви. Я смотрю в глаза моих братьев и сестер и вижу — это моя церковь, «ибо любовь Божья излилась в наши сердца Духом Святым».

Все, что смущало меня, было смыто потоком этой любви.

ИВАН МОИСЕЕВ

По всем церквам нашего братства разошлась молва о том, что в армии замучили нашего брата по вере Ивана Моисеева.

Так как я только вернулся из армии, а некоторые наши еще служат, для нас эта тема актуальна. В церкви у нас появились фотографии Ивана: до призыва, в армии, в

гробу — со следами пыток. Официальная версия — утонул, будучи в увольнении.

Но мы имеем копии писем Ивана родителям. В них он пишет, как его на всю ночь оставляли на морозе раздетым, а потом вся часть удивлялась, что он цел и невредим и даже насморка не подхватил. Он пишет, как над ним измывались, как угрожали и били. И так — много месяцев подряд. Об Иване Моисееве и пережитых им чудесах позже были написаны книги, а в то время, о котором я пишу, мы хотели, чтобы как можно больше людей узнали о герое веры нашего времени. Мы понимали, что и во времена гонений в первом и втором веках христианства это были такие же простые люди, как наш Иван Моисеев, которых потом за их мученичество и связанные с их жизнью чудеса причисляли к лику святых.

Ребята из нашей церкви сделали большой ящик из фанеры — сверху было стекло, а внутри — сильные лампы, своего рода аппарат для контактной съемки. Так копировались фотографии и документы о Ване Моисееве и распространялись по всем церквам Киргизии и Казахстана. Потом на этом аппарате копировали ноты на фотобумагу, пока о нем не узнали почти все члены церкви. Один из членов, которого мы подозревали в связях с властями, предупредил нас, чтобы мы перестали этим заниматься, а то плохо будет. А заодно, чтобы убрали из дома моего отца типографские принадлежности.

Разобрали этот аппарат, быстренько вывезли добытую Андреем и дядей Давидом бумагу для подпольной печати, хранившуюся в доме родителей, и несколько

недель напряженно ожидали обыска. Но все было спокойно.

Смерть Вани Моисеева для нас, молодежи семидесятых и начала восьмидесятых годов, стала вехой, призывом к более посвященному служению Господу. Она знаменовала некое новое начало. Начало чего — мы не знали, но ожидали и молились о пробуждении.

СЧАСТЬЕ

Я знал, что молиться так не имел права. Есть в этом какая-то корысть. Мне было 22 года, я знал, что не создан для одиночества. И я просил Господа о знаке. А молился я так: «Господи, укажи мне ту, которую Ты избрал быть моей женой. Дай мне знак. Пусть этим знаком будет любовь, которую я почувствую к этой девушке. Я знаю, что не имею права ожидать этого от Тебя. Но ради этой девушки, имеющей право на любящего мужа, дай мне этот знак». Я молился и ждал знака.

Мне особенно нравилась одна девушка, но я не хотел жениться на ней именно потому, что она мне нравилась. Я считал, что это нечестно по отношению к ней. Каждый раз, когда я шел с нею рядом, а это случалось довольно часто, я осознавал ее близость.

Каждый раз я завороченным взглядом следил за ее пальцами, когда они проворно бегали по клавишам аккордеона и вызывали звуки, от которых мне хотелось

смеяться и плакать. Когда я видел ее стремительную походку или смущенный взгляд, когда она выделялась в хоре, я осознавал, что лучшего спутника жизни мне не найти, но я ждал от Господа знака.

Ия этот знак получил. Родители ее подали документы на выезд в Германию. В то время это еще не много значило, но сам факт! Я потерял покой и сон. Я впал в депрессию. На работе я садился за сверлильным станком, на котором в то время работал, чтобы меня никто не видел, и предавался своим безутешным мыслям: уезжает!

Это было 16 ноября 1972 года, после разбора слова в Беловодском, на которое она всегда приезжала и оставалась ночевать у Фриды, своей подруги. Я зашел вместе с ней к Фриде, поговорили о том о сем. Потом я взял спичечный коробок, написал на нем несколько слов и украдкой, под столом, передал его ей. Как сейчас помню это чувство первого интимного контакта, когда моя рука коснулась ее руки. Я пригласил ее выйти за мной на улицу.

Она вышла, смущенная и взволнованная.

— Я тебя люблю. Любишь ли ты меня и согласна ли ты выйти за меня замуж? — это все, что я ей сказал.

— Я тоже люблю тебя. Я согласна выйти за тебя замуж, — ответила она.

Между поцелуями я спросил ее, что она теперь думает об отъезде в Германию. Она ответила, что никуда от меня не уедет.

У моего счастья есть имя — Эльвира.

НАСТАВНИК

— Мы об этом молились, — говорит Андрей Христофорович.

— О чем? — спрашиваю, зная, что он имеет в виду.

— Чтобы Господь соединил ваши сердца, твое и Эльвиры. Я молился об этом, еще не зная тебя лично. Эльвира — ангел. Ты это должен всегда помнить.

Андрей Христофорович — мой наставник. Вернувшись из армии, я узнал, что в нашей церкви новый проповедник. Он перешел к нам от «отделенных». Отсидел почти четыре года в тюрьме за Слово Божье. Так получилось, что мы с Андреем Христофоровичем подружились. По каждому поводу он мог рассказать мне историю из своей лагерной жизни.

И он их мне рассказывал. Его машина, в которой мы обычно беседовали, на несколько лет превратилась для меня в аудиторию. С ним и другими братьями, моим братом Андреем и Иваном Волковым, мы посещали Николая Никитовича Сизова, нашего старшего пресвитера, с которым мы тоже беседовали, сидя в «Жигулях» Христофоровича.

Мой старший друг показал мне на примерах, что такое тщеславие и как бороться с искушениями, что такое законничество и что значит быть свободным от власти греха, что означает мудрость и чем она отличается от знания.

Приведу только один из сотен примеров. О знании и откровении.

«Был у нас в лагере один очень, ну уж очень грамотный человек. Он был профессором, говорил, если не ошибаюсь, на семи языках. Получил образование в Берлине, преподавал в Париже... Не знаю почему, но ему нравилось беседовать со мной, тогда еще восемнадцатилетним юношей. А закончил-то я всего четыре класса. Он работал в цехе уборщиком. Часто посещал меня в моей каптерке.

Самуил Львович „читает“ свежий номер газеты. Он ее глазами наискосок пробегает, начиная с левого верхнего угла и до нижнего правого — готово. Перелистывает.

— Вы ничего не успеваете прочесть, Самуил Львович, — говорю я.

— Держи, — он подает мне газету. — Читай вслух любую статью.

— „Первого марта 1953 года в Москву с официальным дружественным визитом...“ — начинаю читать.

— „...Прибыла делегация из Венгрии...“ — продолжает Самуил Львович и приводит статью целиком, сопровождая свое „чтение“ обширными комментариями информации, почерпнутой им „между строк“, — об искусственном нагнетании напряженности с целью создания у народа комплекса „пусть нам будет трудно, пусть купить нечего, пусть будем голодными, лишь бы войны не было“.

Самуил Львович забирает у меня газету и продолжает ее читать.

Помню, была весна. Сидим на скамеечке, прислонившись к освещенной низким, но уже теплым, солнцем

стене барака. Рядом со мной, прислонившись к завалинке и подставляя лицо солнечным лучам, сидит Борис Борисович Фризен. Борис Борисович — верующий. Политика его не волнует, потому его газета и не интересует.

— В декабре будет три года, как меня посадили. Я знаю, что больше трех лет я сидеть не буду. Скоро я буду уже дома, — говорит мечтательно Борис Борисович, поглаживая окладистую бороду.

Ему сидеть еще семь лет. Замечаю презрительный взгляд сидящего рядом Самуила Львовича Шапсельбаума. Я знаю, что из нашего лагеря редко кто освобождался, а досрочно тем более. Каждую неделю приходит новый эшелон с зэками. От Самуила Львовича я знаю, что мы „неотъемлемая часть экономического потенциала развития страны и основной фактор в освоении новых месторождений полезных ископаемых“. Мне немного стыдно за моего неграмотного единовеца. Молчу.

Пришла зима. Декабрь. У ворот лагеря — первый освободившийся из нашего лагеря верующий зэк. Он проходит мимо пулеметчиков на вышках и охранников, которые сдерживают лающих собак.

Борис Борисович, а это он, еще раз поворачивается и машет на прощание рукой. Его провожает Самуил Львович Шапсельбаум. Они встречаются взглядом.

По впалым щекам академика текут слезы».

Мой наставник мне кажется пророком. Через него со мной разговаривает Бог.

«МОСКВИЧ»

Андрей и родители сложились и купили машину — «Москвич-401». Ремонтировал он ее в летней кухне, а ремонтировать приходилось очень часто. Иногда, если в субботу вдруг застучал двигатель, он его за вечер и ночь разбирал, ремонтировал, собирал и снова устанавливал. Утром на ней ехали на собрание.

С тех пор мне кажется, что двигатель — не самое сложное в автомобиле. Гораздо сложнее коробка передач. Она у «Москвича» работала когда хотела. Однажды ночью Андрей постучал к нам в окно, а жили мы в то время в Петровке, на главной улице. Оказывается, он по окна загрузил машину христианской литературой, изданной подпольной типографией, и поехал ее отвозить куда-то. Я его ни о чем не спросил: мы учились знать только то, что совершенно необходимо было знать. Чтобы во время допроса никого не выдать.

Андрей рассказал, что по дороге в коробке что-то коротко щелкнуло, и в его распоряжении осталась только одна третья скорость. Хорошо, что не одна задняя. Но с третьей скорости не тронешься, притом на перегруженной машине. Поэтому Андрей и позвал меня. Нужно было убрать машину с дороги и спрятать ее где-нибудь в гараже или сарае. Я был у него за первую и вторую скорость.

Никогда в жизни я так не уставал, как тогда, когда толкал загруженный драгоценными книгами «Москвич-401».

СКЛАД

Мы недавно поженились. В селе Петровка нашли домик в наем и поселились там, исполненные любви и радужных надежд. Домик в две комнаты, и его окна выходят прямо на тротуар, за которым проходит магистраль Фрунзе — Ташкент. Магистраль тянется через всю Чуйскую долину, и почти во всех населенных пунктах она — главная улица. Я думаю, что на этой дороге погибло больше людей, чем во время гражданской войны.

Но место очень удобное для склада готовой продукции подпольного издательства «Христианин». Поэтому у нас в летней кухне штабелями сложены книги. Когда их привезли, мне некогда было расспрашивать, что это за книги. Только после того как Эльвира с присущей ей аккуратностью разложила пачки с книгами по наименованиям, мы смогли увидеть, среди какого богатства мы стоим. Мы стоим и вдыхаем аромат свежей типографской краски, гладим аккуратные пачки книг и молимся, чтобы Господь сохранил нас от враждебных взглядов, от беспечности и послал Свою охрану курьерам, которые стали приезжать один за другим и маленькими партиями развозить книги по всей стране.

На «контрамарке» (это такая круглая черная печка для отопления) у нас касса, которую нам передали, чтобы мы давали курьерам деньги на дорогу.

Запах новой книги можно сравнить разве только с запахом свежее испеченного хлеба. Я полюбил его на всю жизнь. Я молился Господу, чтобы Он дал мне возмож-

ность когда-нибудь работать в издательстве. И всякий раз, когда я держу в руках новую, изданную нашей миссией книгу, я благодарю Бога за Его благоволение.

Я работаю в миссии «Свет на Востоке». Мы издаем книги на многих языках стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Утром, когда я иду на молитву, прохожу по складу, где лежат эти книги. Они так пахнут!

И я часто вспоминаю нашу летнюю кухню, заставленную штабелями книг, и запах типографской краски.

СЫН

Я влетаю в залитый солнечным светом двор молитвенного дома в Романовке, я прыгаю и кричу: «Сын! У нас сын родился!» Бабушки улыбаются, женщины смеются и говорят: «Что в этом особенного?! Все живущие когда-то родились». Но мою радость эти прагматичные слова загасить не могут: у нас родился сын!

Я уже несколько месяцев следил за его движениями в животе Эльвиры. Иногда он очень активно шевелился, так что бугры шли по натянутой коже большого живота.

В воскресенье, рано утром, когда пришло время (ждешь, ждешь, а все равно это застает тебя врасплох), я отвез Эльвиру в Сокулук, в роддом. Поместили ее на втором этаже. Никак не пойму, почему мужчин держат как можно дальше от такого важного события в жизни семьи. Жду. «Еще не скоро», — сказала мне в амбразуру

приемной недовольная моими настойчивыми вопросами медсестра.

Я иду на собрание. На собрании ничего не вижу и не слышу: перед глазами только синие страдающие глаза Эльвиры и ее большой живот, в котором шевелится и просится наружу наш ребенок. Я очень хочу сына. Воображаю себе картины, как держу его на руках, как купаю и меняю ему пеленки, как мы с ним идем на рыбалку. «Аминь!» — заканчивает собрание Григорий Максимович, и я, бросив на него быстрый благодарный взгляд, бегу на остановку автобуса. Скорее в больницу! Может быть, Эльвира уже родила. Нет. Приходится ждать до четырех часов.

Стою за зданием больницы. Эльвира показывает мне в окно туго завернутого в пеленки младенца. «Сын. Гарри», — угадываю скорее по губам, чем слышу, слова. Рядом со мной стоит, пошатываясь, крепко подвыпивший от счастья еще один молодой отец. Соседка Эльвиры по палате тоже показывает ему его пакетик счастья и поворачивает его (у них девочка) лицом к окну. Задрав голову, крепко шатаясь от непривычного положения головы, мой товарищ громко говорит: «А она у нас смышле-е-н-ная!» И я не удивляюсь его словам. Я прыгаю от счастья.

Лечу, как на крыльях, в молитвенный дом и кричу, ликуя: «Сын! У нас сын родился!»

СМЕРТЬ

Умер мой отец. Мир опустел. Этого просто не может быть! В самый разгар лета, когда на деревьях зреют яблоки и груши, когда в завязавшихся на кукурузе початках наливаются золотом зерна, прямо посреди жизни от меня ушел отец. Я не знал, что он занимает так много места в моем сердце, в моей жизни. Я это узнал только по огромной пустоте, которая осталась после него.

Я иду за гробом по улице, в многочисленной процессии его друзей и близких. Я не верю происходящему. Слез нет, есть только осязаемая, невероятной боли пустота.

Много лет спустя я посетил в Беловодском его могилу. Покосившаяся пирамидка, сваренная из листового железа и покрашенная синей краской. Портрет с отбитой эмалью.

Я знаю, его нет здесь. А пустота в сердце есть. Его место не занял никто. О, как я жду встречи с ним! Там, где уже не будет разлук. Где эта постоянная, отдающая болью пустота в душе наполнится общением с ним.

В ЛИТВУ

Собрались мы очень быстро. Так же быстро, как приняли решение. Несколько немецких семей из церкви села Калининское, несколько — из нашей Романовской церкви решили уехать из Киргизии в Литву. Оттуда,

говорят, легче переехать на постоянное жительство в Германию.

Эльвира, беременная вторым ребенком, остается продавать почти достроенный дом, в котором нам практически не пришлось пожить. А дом такой красивый, новый, с современной по тому времени планировкой, с баней и туалетом в доме и со светлой кухней. Наш дом! Жить бы да жить. Нет, приспичило.

В самом центре Литвы есть совхоз, где директор решил, невзирая на возможные неприятности, принять на работу несколько семей немцев. Приехавшие первыми уже устроились на работу и получили квартиры. Таких запущенных квартир я еще в жизни не видел! Совхоз, кажется мне, потонул в грязи. На работу я устроился электриком, сдал паспорта на прописку. Жду с нетерпением, когда Эльвира продаст дом и приедет в Литву. Я так скучаю по ней, что это замечают переселенцы, и Эльвира становится предметом нетерпеливого ожидания с их стороны: что это за женщина такая, если ее так ждут?!

Мне выделили жилье в Садунае (это хутор в трех километрах от села), в сарае. Выбора нет, приходится соглашаться. Вычистили, выбелили, крысиные норы заделали бетоном и ждем контейнер.

Спустя два месяца приехала Эльвира! «Женщина как женщина», — говорят переселенки. «Много они понимают», — думаю я и хожу, сияя от счастья.

Меня и еще нескольких немцев, не успевших прописаться до того, как КГБ узнало о нашем переселении,

уволили с работы. Возвращаться или оставаться, бороться или сдаться? Дискуссии ведутся целыми днями. Несколько человек уехали. Большинству возвращаться некуда: дома продали, деньги наполовину израсходовали на дорогу.

Мы узнаем, что в стране «свободы, равенства и братства» не все народы равны. Немцам нельзя поселиться в больших городах, в Украине, в республиках Прибалтики и Закавказья. Наш удел — Сибирь и Центральная Азия. Подключаюсь к борьбе за равноправие вместе с диссидентами и «отказниками» — желающими выехать на историческую родину евреями. Эта деятельность захватывает меня целиком.

Я составил заявление и подал на наш совхоз в суд. Ко всеобщему удивлению, процесс мы выиграли, и нас, всех четверых, восстановили на работе и прописали.

Приехал Андрей, попытался тоже «зацепиться» в Литве или Белоруссии, но служба безопасности бодрствует. Ему, как и некоторым другим, пришлось вернуться ни с чем.

В первый год собрания проходят в нашей квартире. Нас, верующих, довольно много успело приехать. На собрания приходят человек семьдесят, иногда до ста.

В Литве солнце зимой всходит поздно и заходит рано, целый день царит какой-то полумрак. Окруженные лесами черные поля, кое-где покрытые прошлогодней стерней, еще более усиливают впечатление чужбины. И народ нам чужой — разговаривает на непонятном языке. Русский язык люди понимают, но говорят на нем не-

охотно. Да и все приехавшие — немцы. И отношение к нам такое: интерес, смешанный со страхом и приправленный уважением. Мы чужие.

Наша община превращается в замкнутую колонию, со своими интересами, своими праздниками и проблемами, со своей жизнью. Такие колонии возникли и в других городах: Кедайняе, Шилуте, Зарасае. Мы пытаемся наладить с ними контакты, собираем подписи под общими заявлениями в Комиссию по правам человека в ООН, в Комитет защиты мира, в Хельсинскую группу или Андрею Сахарову.

У переселенцев, у всех и везде, одна тема для разговоров: Германия.

ПРИЗВАНИЕ

Прошло время, и мы полюбили Литву, ее леса, спокойный нрав людей, прекрасную архитектуру городов, величественные храмы, простой, древний и ставший понятным язык.

С молодежью нашей общины мы посещаем другие группы и совершаем дальние поездки, например, в Ригу, Таллинн, Ленинград.

Однажды мы возвращались с нашей группой из Ленинграда и уже на подъезде к Шяуляю, расположенному в двадцати пяти километрах от нашего села, решили посетить в больнице сестру-пятидесятницу, Марию З.

Она болела раком и лежала в онкологии. Нас впустили в холл, где мы встретили Марию с ее мужем и спели им две-три песни.

Песни слушали и другие пациенты. Одного из них я узнал сразу — это был Римас, сантехник, мой коллега по работе.

— Ты что тут делаешь? — спрашиваю его, не зная, что сказать.

— Да вот, нашли тут у меня что-то, — показывает он на свое правое плечо, — но меня уже выписывают.

Песни ему понравились. Я ловлю себя на мысли, что раз его выписывают, то, значит, дело обстоит не очень хорошо. «Нужно его обязательно посетить», — думаю я.

С литовцами мы общаемся только на работе, да и то по мере необходимости. «Иудеи с самарянами не сообщаются» — более подходящей иллюстрации наших отношений мне не найти. «Он такой гордый, неприступный», — оправдываю я свое нежелание посетить Римаса всякий раз, когда Бог напоминает мне о нем.

— Можно мне навестить Римаса? — спрашиваю я, наконец, нашего инженера по технике безопасности, о котором знаю, что они с Римасом родственники.

— Конечно, можно, — отвечает он. — Только Римас уже не приходит в себя. Он постоянно под наркотиками.

У меня все внутри обрывается. Сколько раз Бог напоминал мне, чтобы я пошел к Римасу и рассказал ему Евангелие! Но мой национализм и моя инертность, наша замкнутость на самих себе стали непреодолимым барьером между Римасом и спасением. Я знаю, что мое по-

каяние и сокрушение Римасу помочь не может, отчаяние наполняет мое сердце. Зачем я каждую неделю проповедую одним и тем же людям давно известные им истины?

В этом ли мое назначение, в этом ли мое призвание? Зачем мы приехали в Литву? Чтобы уехать в Германию? А кто скажет литовцам, что Бог уже все сделал для их спасения?

«Господи! Прости! Если можешь! Если Ты простил, то употреби меня и нас для благовестия литовскому народу» — этой молитвой моего второго покаяния, как я его назвал позже, Бог начал в моей жизни новую страницу, вернее даже, новую главу.

Он не замедлил прислать к нам в дом литовцев, которых волновали вопросы вечной жизни, спасения, жизни с Богом, Библии.

Со временем возникли группы верующих литовцев в Мажейкяе, Каунасе, Ионишкисе, Шяуляе. Бог послал нас к людям и послал людей к нам. Я был так рад — я знал, Он простил меня!

Но всякий раз, когда я вспоминаю Римаса, на сердце становится так тяжело, что на глаза наворачиваются слезы, даже и через двадцать лет.

ДЕТИ

Гарри — очень впечатлительный ребенок и очень подвижный. Целыми днями он гоняет по улице на велосипеде, а как только выпадет снег — на санках. В доме удержать его невозможно. К вечеру он так устает, что засыпает за столом с непрожеванной кашей во рту. Я раздеваю его, укладываю в постель и смотрю с жалостью на нашего почти пятилетнего первенца. Он — заика. Представляю себе, как его, сына верующих родителей, притом немца, будут третировать в школе другие дети, и на душе становится очень тяжело.

Становлюсь на колени и кладу руки на головку спящего сына. «Господи, прости меня... — я исповедую перед Богом все, что нахожу в своем сердце. — Если Ты хотел обратить мое внимание на мое сердце, то вот оно — пред Тобою. Я благодарю Тебя. Прошу Тебя, исцели нашего сына!»

Эльвира убирает со стола на кухне. Я ничего не говорю ей. На душе у меня сегодня особенно тяжело. Лиля, наша дочка, спит.

Утром иду на работу. В обед домой попасть не удалось, работал в дальнем отделении. Вечером возвращаюсь, а Эльвира вся какая-то напряженно-радостная. Удивляюсь такому ее состоянию.

Гарри за столом, ужинает. Просит подать хлеб. Эльвира смотрит на меня в каком-то ожидании. Я не понимаю, чего она от меня ждет.

— Ты ничего не заметил?

— Нет. А что случилось?

— Гарри больше не заикается!

— Да ты что? — удивляюсь я.

Я уже забыл про свою вчерашнюю молитву.

— Гарри! Сколько раз тебе говорить: не разговаривай с полным ртом! — жую я его, но строгости в моих словах нет ни грамма, а на глазах — слезы.

К шести годам Гарри научился говорить по-немецки, по-литовски и читать и говорить по-русски.

Лиля уже спит. Удивительного ребенка подарил нам Господь! Таких спокойных и дисциплинированных детей я никогда и нигде больше не встречал. Но жизнь в сарае, без витаминов, не осталась без последствий. Лиля заболела рахитом, ножки ее искривились, кости начали деформироваться.

— Присылайте ее ко мне в Киргизию, — предложила моя мама. — Здесь она обязательно поправится.

— Хорошо. Только, чур, не баловать ее, — соглашаемся мы.

Так трехлетняя Лиля попала на полгода в Киргизию, где тепло, солнце, фрукты и постоянный свежий воздух сделали свое дело. Она совершенно выздоровела. Правда, она осталась самой маленькой в семье, но в то же время, может быть, и самой спортивной. И для ее духовного формирования месяцы, проведенные с бабушкой, жившей при молитвенном доме в Романовке, были очень полезными: там она научилась осознанно молиться и воспринимать взрослых и их мир как свой.

После Лили у нас родился Отто. Веселый с первых дней своей жизни и добродушный пацан. Говорить и петь — в этом, кажется нам, он видит свое призвание, потому что каждый день и целый день мы слышим его веселый голос.

Мы переехали в соседний дом, в котором освободилась квартира, чуть побольше нашей, хотя и несколько не удобнее. Так же нужно топить всю зиму углем или дровами печь, которая дает очень мало тепла.

Во дворе привязана собака, которую едва научившийся ходить Отто решил проведать. Так та его прямо за лицо и укусила. Крику было много, но Отто быстро успокоился. Все лицо в крови, а к собаке тянется. Его любви к собаке такое ее поведение не убавило. Через несколько дней, как только за ним никто не наблюдал, Отто опять пошел к собаке, которая, наверное, поверить не могла, что человек может ее любить. Она его опять укусила.

Отто любит не только собак. Он с любым заговорит, каждому окажет внимание. Как только понял, что неверующие попадут не на небо, куда он попадет, а в ад, каждого предупреждает об этом.

У нас родилась Эмма — наш четвертый ребенок. Малышка прекрасна: глаза живые, темные и глубокие. Мне кажется, что она пришла в мир со своим мнением.

Нам дали двухкомнатную квартиру с удобствами. Ну и что, что семье с одним ребенком дали трехкомнатную

квартиру, а нам с четырьмя детьми — двухкомнатную, мы же немцы и все равно временные жители. Умом понимаем, но несправедливость угнетает. Зато в квартире есть газ и горячая вода. Красота!

Я целый день на работе, по вечерам, после работы — в разъездах по Литве, посещаю интересующихся или уже обращенных к Господу людей. Перед одной из таких поездок замечаю, что у Эльвиры, которая держит на руках Эмму, слезы на глазах.

— Что с тобой? Почему ты плачешь?

— Ты можешь хотя бы один день в месяц уделять семье? У меня нет возможности поехать в город за покупками. Ведь детям нужна и одежда, не только пища (у нас в совхозе только магазин повседневного спроса, а город Радвилишкис в пяти километрах).

— Хорошо, — отвечаю, с ужасом осознавая, что я все свое сердце отдал служению, а у меня жена и четверо детей, которым в первую очередь принадлежат моя любовь, я сам и мое время.

БЕТА И РАЙМОНДА

В Ионишкисе живет одна литовская семья, которая когда-то, еще до войны, принадлежала к баптистской церкви. Их адрес нам дали в Клайпеде. Доната, так зовут нашу новую знакомую, отнеслась к нам очень настороженно.

— Немцы, баптисты... Когда-то у нас был пастор, немец. В конце войны он бросил нас и ушел с немцами. Мы остались здесь на произвол судьбы. Более тридцати лет уже прошло, — говорит грустно хозяйка.

— Мы вас не оставим, — отвечаем мы и вдруг осознаем: но ведь может так случиться, что и мы их оставим. А что делать?

В комнату вбегают две девушки, им лет по восемнадцать. Возбужденные, собрались на дискотеку. Одна из них, Раймонда, — дочь хозяйки, другая, Бета, — ее подруга. «Эх, где мы были раньше? — думаю я с сожалением. — Несколько лет назад у них еще был бы шанс, а теперь они уже во власти мира».

— Оставайтесь, — приглашает Доната девчат. — Поговорим о Боге.

Девчата переглянулись и в один голос... согласились. Удивлению моему не было предела. По вопросам Беты и Раймонды, которыми они нас буквально засыпали, можно было подумать, что для них самое важное в жизни — найти истину. На все вопросы мы ответить не успели, было уже далеко за полночь, когда мы покинули Ионишкис, но мы договорились встретиться через неделю.

Когда мы приехали через неделю, Бета была на работе, она работала медсестрой в больнице.

— Поехали, посетим ее, — предложила Раймонда. — Мы много говорили о том, что услышали в прошлый раз. Бета сможет выйти к нам. Поговорим в машине.

У Бога Свой план и Свои люди. Там, в машине, эти

две девушки покаялись и приняли Иисуса Христа как Спасителя и Господа. Они — в Его власти.

ДЕТАЛЬ

Литовцы нас уважают. Почему, не знаю, но у них к нам, приехавшим из Киргизии немцам, кредит доверия. Когда мы по воскресеньям идем по улице села на собрание, то нас провожают любопытные взгляды взрослых и детей.

Владимир Андреевич Шпомер, наш друг и пресвитер нашей молодой еще общины, работает в совхозе наладчиком топливной аппаратуры.

— Нет, ты представляешь себе, этот немец, Шпомер, каждую деталь в солярке моет, прежде чем он агрегат собирает! — говорит в мастерских один слесарь другому.

— При таком морозе? — не верит ему другой.

— Я сам видел.

— Неудивительно, что теперь у нас техника даже в мороз работает.

Я слушаю беседу слесарей и горжусь нашим пресвитером. Деталь в солярке помыть бывает важнее, чем проповедь сказать.

СТРАХ

Мы назвали наше служение «микромиссией». Мы, это семья Якова Тильмана и моя семья. У нас есть машина, купленная на деньги политических диссидентов, кинопроектор и десять фильмов института Муди. А еще у нас есть полный курс ученичества на кассетах (несколько комплектов) и магнитофоны. Это все мы купили на деньги нашей «микромиссии», то есть из нашей десятины.

Курс мы предлагаем новообращенным, так как не имеем возможности непосредственно помогать им в их духовном становлении. Мы очень благодарны за кассеты, начитанные Ярлом Пейсти.

Уверовавшим мы оставляем кассеты, магнитофон и периодически, во время посещений, беседуем, отвечая на возникшие у них вопросы. Но новообращенные разбросаны по всей Литве, даже в Латвии живет одна семья. Каждый день после работы мы с Яковом отправляемся в какой-нибудь город. Иногда по пути удается посетить еще кого-нибудь. Возвращаемся поздно ночью, вернее, как правило, под утро.

Меня иногда спрашивают, страшно ли нам было. КГБ приставил к нам своих людей, чтобы следить за всеми нашими передвижениями. Меня «пас» пожилой уже человек, коммунист, русский. Его фамилия была Лебедев. Тоже, как и я, электрик. С какого-то времени его стали всегда посылать со мной, независимо от того, требовалось это по работе или нет. (Позже, когда однажды я приехал

из Германии в уже свободную Литву, я посетил Лебедева. Он обрадовался и смутился. Как он извинялся!) У Якова был свой наблюдатель.

Едем мы однажды из Вильнюса. Где-то около трех часов утра. Проезжаем мимо магазина и замечаем, что со стоянки перед магазином выезжает «Волга» и направляется за нами. Яков добавляет скорость, «Волга» — тоже. В Радвилишкисе сворачиваем на дорогу, идущую к нашему совхозу. Наши преследователи набирают скорость и сокращают разделяющее нас расстояние. Еще один поворот. «Волга» не отстает. Яков на полном ходу влетает в поселок, останавливает машину между двухэтажными домами и говорит мне:

— Выскакивай!

— Почему? — не сразу догадываюсь я.

— У тебя четверо детей, у меня один ребенок. Выскакивай, рассуждать некогда!

Я выпрыгиваю из машины и прячусь в тени соседнего дома. Яков на нашей «Ладе» едет к своему дому и останавливается перед дверью. Все это заняло не более десяти секунд. В поселок влетает на полном ходу «Волга», она останавливается на стоянке перед магазином. Из машины выходит человек и проверяет сигнализацию на дверях магазина. Потом он садится в машину, и «Волга», разбрасывая из-под колес гравий, вылетает со стоянки и скрывается вдали.

Да, я знаю, что такое страх.

На следующий вечер мы вместе с женами поехали в Мажейкяй. Там покалась одна женщина, и в ее доме со-

бирается человек десять интересующихся Евангелием людей.

ЗАЩИТА КРОВИ

Мои друзья говорят, что это от переутомления. Я в это не верю. Мне тридцать лет, мне кажется, что я деревья с корнями могу выдергивать, а тут — переутомление. У меня очень часто кружится голова. Сильно кружится. Так что иногда я даже не могу удержать равновесие.

Работаю перед электроцитом, копаюсь в схеме, ищу неисправность — и вдруг все плывет перед глазами.

Друзья мне передают разные страшно полезные вещи: концентраты нектара особых лекарственных растений и тому подобное. Если бы я все это ел и пил, то, думаю, давно бы уже умер.

— Володя, посмотри, может, это что-то для тебя, — говорит Эльвира и подает мне журнал «Вера и жизнь» № 30 за 1980 год, показывая на статью Корри тен Боом «Против течения».

Читаю уже ближе к концу статьи:

«—Я ничего не могу понять, — сказала Конни однажды утром, вставая с постели, — я спала всю ночь, а чувствую себя слабой и усталой.

Такое же состояние было и у меня. Мы думали, что, может быть, мы подхватили какую-нибудь болезнь, хотя

ния, ни Конни не чувствовали себя больными. Однажды в Варшаве мы повстречались со старым знакомым из Голландии. Он со своей женой путешествовал по Польше на „кемпинг трейлере“.

— Как я рад вас видеть! — сказал он. — Как обстоят дела?

Мы с Конни переглянулись:

— Вы знаете, мы обе чувствуем себя такими усталыми! Ноги наши будто налиты свинцом, как при тяжелом гриппе, но мы не чувствуем себя больными, просто усталыми.

— Позвольте объяснить, — сказал он. — Ваша усталость есть не что иное, как нападки дьявола. Ему не нравится ваша христианская деятельность в Польше, потому что антихрист очень занят здесь, организуя свою армию. Корри и Конни, вы должны помнить, что вас очищает кровь Иисуса Христа. Когда вы испытываете эти нападки темных сил, вы должны их изгонять именем Иисуса Христа.

Я поняла, что знакомый был прав. Мы сидели у него в машине, слушая, как он читает из Библии: „Они победили его кровью Агнца и словом свидетельства своего и не возлюбили души своей даже до смерти“ (Откр. 12:11).

Затем наш знакомый помолился с нами, возложив на нас руки. Он просил Бога именем Иисуса Христа отогнать от нас темную силу. Уже во время молитвы я почувствовала, что мрак рассеялся. Когда же он закончил молиться, вся наша усталость исчезла».

Когда я прочитал статью и увидел, что описываемое в ней совпадает с моим состоянием, я убедился: не случайно в наш дом попал завезенный в страну нелегальным путем журнал именно с этой статьей. Я был уверен — моя проблема имела под собой духовную основу. Но у Корри и Конни был благовестник, который помолился о них и возложил на них руки, чтобы они освободились от нападков сатаны. А к кому мне обратиться? Кто возложит на меня руки и помолится обо мне? Да в нашем братстве это и не было принято.

Я зашел в комнату, закрыл за собой дверь и обратился к Господу: «Господи, если такое мое состояние — результат чрезмерной усталости, то прошу у Тебя силы для служения. Не могу поверить, что физическая слабость может быть препятствием в служении благовестия. Если же это нападки сатаны, то я сейчас осознанно становлюсь под защиту Твоей крови. Аминь».

С того момента у меня никогда больше не было таких головокружений.

Я — под Его защитой!

НЕ ПОНИМАЮ

У Антанаса беда. Его младший сын, Йонас, родился глухонемым. Он не может ни говорить, ни слышать. Ему сейчас пять лет. В нашей деревне его никто не научит языку жестов. Но он научился языку любви. Он видит,

как сильно любит его отец, и радуется каждый раз, когда отец берет его с собой в поездку.

Антанас обычно на обед приезжает домой. Так и сегодня. Йонас это знает. Он сидит под навесом, где зимой хранится солома для подстилки коровам в сарае, и ждет отца. Йонас сидит на соломе и «поет». Его пение понимает только отец. Со стороны оно кажется странным и очень на пение непохожим.

Под приветливыми лучами осеннего солнца, убаюканный собственным «пением», Йонас засыпает. Он не слышит, как во двор хутора въезжает машина отца. Он не видит, как она разворачивается и задом сдает под навес. Он никогда и ничего больше не увидит.

Встречаю Антанаса. Вижу его опустошенные глаза и искаженное страданием лицо. Он не понимает, как это могло произойти и почему. Я этого тоже не понимаю. Я только знаю Отца, к Которому ушел Йонас.

ЧЕТЫРЕ ЧУДА ИЗРАИЛЯ

У меня в руках русский перевод доклада Пинхаса Лапиде из Франкфурта, с которым он выступал в честь 25-летия государства Израиль. Мне его Гена Фот из Киргизии прислал.

Он вряд ли мог себе представить, какую реакцию вызовет у меня этот доклад.

У каждого человека есть в жизни моменты, которые оказываются решающими на многие годы: они или помогают определиться по отношению к чему-либо, или меняют перспективу, с которой человек смотрит на окружающий мир — на прошлое, настоящее и будущее.

Я думаю, что эти несколько машинописных страниц, которые я получил по почте, были для меня явлением именно такого порядка: они изменили мое внутреннее восприятие.

Я все так же ходил на работу, все так же проходили собрания, у власти были все те же коммунисты, и их власть казалась незыблемой, все так же подвергались преследованиям церкви и проповедники, но я вдруг увидел, что мы стоим на пороге потрясающих изменений, ведущих к установлению Царства нашего Господа. Я увидел, что прямо сегодня исполняются пророчества Библии об Израиле, Иерусалиме и Его народе — евреях.

О чем говорил Пинхас Лапиде, еврей, профессор по Новому Завету, из Франкфурта-на-Майне?

О том, что евреи, рассеянные более чем в семидесяти странах в течение двух тысяч лет и собранные в один народ в стране Израиль, — чудо.

О том, что официальный язык страны Израиль, иврит, воскресший из мертвых язык Библии, — чудо.

О том, что сельское хозяйство в стране ученых, музыкантов, часовщиков и инженеров — чудо.

О том, что выиграть в течение 25 лет четыре войны против превосходящего в сорок раз противника — чудо.

Я убедился: Бог держит историю мира в Своей руке,

и Он не передал Своей власти никому. Я не сразу заметил, что изменился стиль моих проповедей: из проповедей защиты, апологии они постепенно стали проповедями провозглашения победы и торжества Царства Господа Иисуса Христа, торжества силы Евангелия над властями этого мира.

ЭЛЕКТРИК

Мне моя работа нравится. Хорошую специальность выбрал для меня мой брат Андрей. Это он после школы отвез мои документы в город Фрунзе и сдал их от моего имени в политехнический техникум на отделение ЭССС (электрические станции, сети и системы). Так я стал электриком.

Так получилось, что в Литве, в нашем совхозе, я стал «главным» электриком и меня посылают туда, где причину неисправности нужно искать, где она не очевидна.

Вот и сегодня. Сижу в мастерских на бетонном полу возле сварочного аппарата, категорически отказавшегося работать. Выключаю рубильник, ищу окислившиеся контакты или перегоревшую обмотку. Пошевелил там и сям. Включаю — не работает. Выключаю, ищу дальше. Подтягиваю все контакты и подчищаю контакты ползунков, регулирующих силу тока. Включаю — не работает. Развожу руками провода подачи напряжения, чтобы можно было заглянуть внутрь аппарата, — ничего не видно.

Смотрю на рубильник, а он включен! Сажу на бетонном полу и держу в голых руках провода под напряжением 380 вольт. Я электрик, я знаю, что это значит. Медленно отпускаю провода и чувствую, как быстро забилося сердце. Не от страха — от осознания чуда.

В другой раз меня вызвали на мельницу. Трактор оборвал низко висевший кабель, и конец его упал в большую лужу. Когда тракторист попытался вытащить кабель, его сильно ударило током. Вызвали из мастерских электрика, его тоже бьет током при приближении к луже. Позвали меня. Я подошел к рубильнику, от которого идет этот кабель, — выключен. Иду к середине лужи, благо мы всегда в сапогах ходили на работу, беру в руки конец кабеля и касаюсь разорванных медных проводов.

— Видите, все в порядке, — говорю я трактористу и стоящему рядом с ним другому электрику.

— Этого не может быть! — восклицают они в один голос.

— Вы же сами видите, я держу провода голой рукой.

Иду к рубильнику, чтобы отсоединить порванный кабель, открываю ящик и... замираю. Кабель подключен прямо к подающим напряжению клеммам, а не к выходящим. Рубильник выключай не выключай — кабель постоянно был под напряжением.

Я ничего не сказал другим — слишком свято для меня присутствие моего Господа.

ТРИ УБИЙСТВА

Нас, верующих немцев, очень мало в Прибалтике. Мы разбросаны по трем странам, но почти все знаем друг друга по именам. Верующие почему-то считают, что говорить на похоронах — мое призвание.

Позвонили нам из одного литовского села, что неподалеку от города Кельме. Погиб молодой человек, отец нескольких маленьких детей. Его бросили грудью на работающую циркулярную пилу. Смерть наступила мгновенно.

Милиция сказала, что это несчастный случай. Никого при этом не было, никто ничего не видел. Но даже моему неопытному глазу видно, что упасть на крутящуюся пилу этот человек не мог, его кто-то на нее положил.

— Вы думаете, что нет свидетелей, никто ничего не видел? — спрашиваю я во время проповеди собравшихся жителей села. — Ошибаетесь. Бог видел тебя, видел твое злое сердце и то, что ты сделал. Ты думаешь, что Бог не видит твои окровавленные руки? Видит. Да, этот немец не попал на свою историческую родину и никогда уже не попадет. Но он сейчас у Того, Кто будет судить тебя. Это его Отец. Я знаю, что тебе стало страшно. И не напрасно. Ты был не один? Думаете, никто вас не видел? Не было свидетелей, как говорит милиция? Свидетель был. Он, Сам Бог, видел вас и будет судить вас.

Поздняя осень. С деревьев на кладбище слетают последние желтые листья. Небо затянуто низкими серыми облаками. На стыке Латвии, Литвы и России есть не-

большое село. Там живет еще несколько семей немцев, которые подвергаются жестоким преследованиям и давлению со стороны властей.

Один из этих немцев работал кочегаром в сельской котельной. Там его и нашли, замученного, связанного толстой проволокой, так называемой катанкой. «Убийство на бытовой почве, — считает милиция. — Установить виновных не удалось». А в селе-то всего несколько человек, которые могли это сделать.

На похороны собралось почти все село. Группа молодых людей стоит поодаль. Моя проповедь обращена к семье и к этим молодым людям.

— Ваши слезы, дорогие родные, ваш траур по вашему сыну и брату видит и слышит Судия всех, Бог. Он — ваш утешитель. Бог не закрыл это дело, — я говорю громче и в сторону стоящих вдали. — Он видел, как били и скручивали проволокой невинного парня. Только потому, что он говорит не на латышском, а на немецком языке; только потому, что он хотел жить на своей родине.

Почему его не отпустили? Почему его убили? Чтобы нагнать страх на оставшихся! Сколько бы нас ни преследовали, сколько бы ни убивали, мы ничего против этого сделать не можем, мы — немцы. И мы хотим жить среди людей, которые нас не будут за это бить, мучить и убивать. И мы — верующие, мы знаем, что имеем вечную родину, в которую мы проводили нашего соплеменника, убитого вами.

Пропала пятнадцатилетняя девушка — единственная дочь вдовы, члена нашей церкви. Она не вернулась из

школы. Последний раз ее видели на остановке автобуса, где школьники «ловили» попутные машины, которые шли в Гражионис, наш совхоз.

Милиция, верующие и жители села прочесывают близлежащие леса. Никаких следов пропавшей. По селу разошелся слух, что это мы, верующие, принесли ее в жертву нашему Богу. Жива в народе распространяемая атеистами пропаганда, будто баптисты приносят в жертву своих детей.

Меня, как юридического руководителя общины, вызвали на допрос. Странно быть допрашиваемым в качестве подозреваемого в убийстве. Допрос длится долго. Вопросы самого разного плана.

Следователь уехал. Директор сказал, что подозрение с нас снято. Эта весть тоже разнеслась по замершему в тревожном ожидании селу.

Но по изменившемуся к нам отношению людей стало заметно — нас стали бояться еще больше, чем тогда, когда КГБ решил за нами слежку установить (что не осталось скрытым от населения).

Через несколько месяцев недалеко от нашего села, в лесу, под грудой хвороста, охотники нашли труп пропавшей девушки.

Вся община собралась вокруг открытой могилы, вырытой в мерзлом грунте экскаватором. Глубокая печаль наполняет наши сердца. Вороны каркают в кронах деревьев.

Мне кажется, что они говорят о нас. Они принимают нас за чужаков, нарушивших их покой. Они правы.

Погибшая представляется мне юным ангелом в светлой одежде, покинувшим наш мрачный и враждебный мир. «Она там, куда мы все придем», — проповедует наш пресвитер дядя Володя Шпомер, как мы его все называем.

«Мы все войдем в Отцовский дом, и, может быть, уж вскоре...» — раздается эхом наше печальное пение среди памятников, на которых только литовские имена.

ОСТАНОВИ МАШИНУ!

Рассказать литовцу Евангелие — очень просто. У меня есть два варианта: короткий — это если мой попутчик, которого я подобрал в свою машину, едет со мной минут десять или пятнадцать, и длинный — это для попутчика до Елгавы или Риги.

— Вам куда?

— В Ионишкис.

— Садитесь, подвезу.

— Сколько это будет стоить?

— Нисколько. Я же все равно в ту сторону еду.

Через минуты две-три спрашиваю:

— Вы литовец?

— Да.

— Я немец. Извините, что говорю с вами по-русски, я всего несколько лет живу в Литве. Вы по вероисповеданию католик?

— Конечно! Каждый литовец — католик.

— Скажите, а что означает в церкви крест с распятым на нем человеком?

— Это Иисус Христос на кресте.

— А зачем Он умер?

И мы прямо в центре Евангелия Христова. За все годы мне встретился только один человек, который смог ответить на этот вопрос.

— Вам интересно послушать, что я думаю по этому вопросу? — предлагаю обычно я.

— Расскажите, это интересно.

Часто со мной в пути Гарри. Он старший, ему лет пять-шесть. Это чтобы Эльвире было легче с малышами дома.

Подобрал однажды попутчика из Радвилишкиса до Шяуляя. Молчаливый такой, угрюмый, не расположенный к беседе. Минут через пять Гарри толкает меня:

— Пап, ты что, не будешь ему говорить?

— Буду, буду...

Возвращаемся как-то из Вильнюса в Радвилишкис через Каунас. Ночь. За рулем Яков Тильман, рядом с ним Павел Володько. На заднем сиденье Отонас, Витольдас, Гинтас и я. Гинтас еще необращенный, но Евангелие уже слышал. Витольдас с Отонасом ушли в самоволку (они служат в Риге), чтобы посетить с нами группу интересующихся Евангелием людей в Вильнюсе. Витольдас тихо беседует с Гинтасом.

Проехали средневековый город-замок Тракай. Витольдас шепчет мне на ухо:

— Гинтас хочет покаяться. Что будем делать?

Я трогаю Якова за плечо:

— Останови машину!

— Что случилось?

— Пока еще ничего. Гинтас хочет покаяться.

Останавливаем машину на обочине. Вокруг темный лес, усеянное звездами полночное небо. Мы встали в круг. Гинтас молится. Его молитва льется как песня. Я знаю: это оттого, что я еще не в совершенстве понимаю по-литовски. Поэтому некоторые незнакомые слова для меня — просто звуки, красивые звуки, певучие.

После молитвы и объятий садимся в машину и едем дальше, возбужденные и радостные.

— Я только что исцелился, — говорит Гинтас.

— Да. Бог снял с тебя проказу греха, — отвечаю я.

— Нет, я не это имел в виду. Я исцелился от болезни.

Я это во время молитвы почувствовал, как болезнь и боль — все ушло.

Мы едем мимо темного леса — прямо в звездное небо.

АТЛАС ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Из Приекуле нам передали несколько книг и «Атлас Западной Европы» — большой такой, желтый. В то время мы много книг «в наследство» от уезжающих в Германию немцев получали.

Сидим с Эльвирой и рассматриваем карту Германии,

с чужими нам названиями городов, рек и озер. Вдруг наталкиваюсь на маленький городок рядом со Штутгартом — Корнталь.

Сколько раз слышал я это сочетание звуков по радио, когда во время службы в армии слушал радиопередачи «Трансмирового радио» и слышал голос Василия Васильевича Магаля, Артура Ивановича Майера или Николая Водневского! Они всегда давали этот адрес.

Движимый каким-то сильным внутренним побуждением, показываю Эльвире на этот городок и говорю:

— Эльвира, если мы когда-нибудь уедем в Германию, то жить будем здесь.

Корнталь еле-еле на карте видно, в тени от пальца и прочесть невозможно.

В то время у власти был последний свой год Леонид Брежнев. Гайки по всей стране закручивали. Германия для нас была как страна чудес из сказки или Море Дождей на Луне.

В конторе совхоза секретарь мне говорит:

— Цорн, вас в паспортный стол вызывают.

— Ничего хорошего такой вызов означать не может.

Опять какая-нибудь выдумка КГБ, — отвечаю.

На следующий день поехал. Начальница паспортного стола очень вежлива:

— Пан Цорн, подавайте документы на выезд, вам обязательно дадут разрешение. Это я точно знаю.

Документы подать — дело одного часа, так как они были готовы: мы уже много лет подавали документы на рассмотрение. Но получали отказ.

И вот через две недели, в конце декабря 1981 года, получаем по почте уведомление с вызовом в паспортный стол. Едем с Эльвирой в Радвилишкис. Держу в руках заветную бумагу: «Решением Совета Министров Литовской Социалистической Республики гражданину Владимиру Андреевичу Цорну со всей семьей разрешается выезд на постоянное место жительства в Федеративную Республику Германии».

У Эльвиры в глазах светится радость.

НОЧЬ ВО ФРИДЛАНДЕ

Германия ночью из окна самолета кажется одним большим городом. Но с высоты полета видно, что это автострады, как артерии, связывают залитые светом города. Нескончаемый поток машин представляется пульсирующим потоком, питающим жизнь людей в этих городах.

Гарри, Лиля, Отто и я стоим в кабине летчика и смотрим на мерцающие приборы, на землю отцов наших под нами, слушаем как замороженные настоящую немецкую речь, и нам кажется, что происходящее — просто сказка.

После теплой встречи с родными и друзьями в аэропорту Франкфурта нас на автобусе отвезли в лагерь для переселенцев, во Фридланд. Через этот лагерь прошли уже миллионы возвращенцев. И им посвящен мемориальный комплекс у стены лагеря. Он произвел на меня

очень сильное впечатление — первый памятник «другой стороне».

Нашу семью определили в одну из комнат в лагере. Завтра начинается хождение по кабинетам и оформление документов на жительство. Приходить нужно всей семьей, со всеми детьми. Завтрак в половине седьмого — это значит, что подъем в шесть, то есть засветло.

Первая ночь в Германии! Несмотря на усталость, заснули мы очень поздно.

К половине седьмого мы, уже одетые, вышли в морозную ночь. Дети, полусонные, без слова ропота — с нами. Эльвира с ребенком в каждой руке, я одного держу на руках, другого — за руку.

Тишина. Прошли до ворот лагеря — ни души. Посмотрели на часы на башне церкви — половина второго ночи. Мы в полумраке комнатушки перепутали часовую и минутную стрелки. Пошли назад. Опять легли в уже успевшую остыть постель — дожидаться утра.

Часы на церкви бьют: бам, бам, бам! Три часа ночи. Мы в Германии. Бам, бам, бам, бам! Четыре утра.

Где я найду работу? Бам, бам, бам, бам, бам! Пять. Сможем ли мы в этом чуждом нам обществе воспитать наших детей по-христиански?

Колокол не мешал мне — это был колокол церкви. Разве он может мешать?

АНГЕЛА МЫ НЕ ВИДЕЛИ

— Эта скала называется Лорелай. Вы знакомы с германскими легендами? — наш учитель на уроках немецкого языка от всей души старается познакомить нас с историей и культурой нашей родины.

— За этим изгибом Рейна вы увидите прекрасную долину реки Мозель. Здесь в Германии выращивают изумительные сорта винограда, отсюда наше вино идет во многие страны мира, — пытается привлечь внимание нашей группы учитель.

После полутора месяцев в лагере Унна-Массен нас переселили в лагерь для изучения немецкого языка в Валдбрёлль. Там нам дали трехкомнатную квартиру и определили Гарри в школу, а меня — на курсы языка. Эльвира — в ожидании нашего пятого ребенка, заботится обо всех нас, чтобы нам было сытно и уютно.

Церковь братских меннонитов в Нойвиде, членами которой были моя сестра Ирма и ее муж Петр Бергман, отправилась в поездку по Рейну. Наши родственники пригласили и нас поехать с ними.

Мы раньше не могли себе даже представить такую красоту, которая раскрывалась нам за каждым изгибом могучей реки, по которой медленно и как-то очень степенно шли длинные-предлинные баржи и небольшие пассажирские суда.

— Здесь мы выйдем на прогулку по берегу. Будьте осторожны, — голос нашего гида стал таким привычным, что не каждому его слову придаешь значение.

Мы с детьми перешли через идущую вдоль реки дорогу. Она называется «бундесштрассе». Нам кажется, машины по ней проносятся с умопомрачительной скоростью.

— А где Отто? — спрашивает Эльвира.

— Опять с кем-то заговорился.

Отто — на другой стороне. Увидев, что мы уже ушли, бежит сломя голову за нами, не обращая внимания на дорогу. А по дороге мчатся машины.

— Отто, стой, подожди!!!

Но наш пятилетний сын бежит на дорогу прямо под колеса несущегося на него автомобиля. У нас обрывается сердце, холодный ужас наполняет душу.

В последний момент мы видим, как Отто будто на что-то натолкнулся или его кто-то за воротник клетчатого пальтишка дернул назад. В нескольких сантиметрах от его головы — ширк — промелькнуло зеркало не успевшего даже затормозить автомобиля.

Я держу Отто на руках, Эльвира держит его за руки — Бог послал ангела, чтобы сохранить нам сына.

ЧТО ВЫ НАМЕРЕНЫ ДЕЛАТЬ?

Кнам в лагерь приехал Виктор Бланк. Он работает в миссии «Свет на Востоке». Откуда он узнал, что мы в лагере, не знаю.

— Ты бы не хотел работать в миссии? — спросил он

прямо, так сказать, с порога. Виктор привык все делать сразу и до конца, как он говорит, гвозди со шляпками.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю, бросив взгляд на Эльвиру.

— Я спрашиваю, не хотел бы ты работать в миссии «Свет на Востоке»?

— И кем?

— Это уже другой вопрос. Об этом тебе нужно будет поговорить с директором, Берндтом Диком.

С Берндтом Диком мы встретились в Нойвиде, у моей сестры Ирмы и ее мужа Петра.

Петр — мой переводчик. После беседы о моем служении в Литве, об образовании и так далее Берндт Дик спросил меня:

— Господин Цорн, а чем вы намерены вообще в Германии заниматься?

Мне не пришлось долго размышлять, я знал, в чем мои друзья и сотрудники в Советском Союзе нуждаются:

— Во-первых, миссионерам в СССР нужна техника: машины, проекторы, магнитофоны. Во-вторых, им нужна специальная литература для работы с неверующими. Почти все книги, которые мы получаем с Запада, рассчитаны на верующих. Затем им нужны фильмы и слайды для евангелизационной работы. И вы, наверное, знаете, что в СССР люди говорят на более чем 150 языках. Все эти народы нуждаются в проповеди Евангелия на языке их сердца, на языке их матери, на их родном языке.

Это то, что Бог положил мне на сердце.

Прошло несколько месяцев после этого разговора. Второе ноября 1982 года. Я сижу в маленьком кабинете в миссии «Свет на Востоке». В комнате стол, стул и пишущая машинка с русским шрифтом.

— Это ваше рабочее место, — сказал мне директор.
— Ваше служение — организовывать нашу работу для Советского Союза.

В моем описании рабочего места, то есть описании моих служебных обязанностей, стоят все те пункты, которые я ему назвал в Нойвиде.

То, что Бог положил мне на сердце, Он позволяет мне делать. Перед моим внутренним взором — Литва, я держу в руках «Атлас Западной Европы» и вижу на карте маленький городок Корнталь. Мы дома.

ДВА ОТКРЫТИЯ

Когда я еще служил в армии, я видел на стене в методическом кабинете огромную карту Европы. От нашей косы, где был расположен наш, самый западный в СССР, гарнизон, концентрическими кругами расходились зоны захвата нашими самолетами. Наши самолеты могли сбросить атомную бомбу, например, на Брюссель.

Федеративная Республика Германии — наш непосредственный, прямой противник, учили нас на политзанятиях. Мы выросли с четким образом врага в голове.

Русские дети зачастую думали, и я не преувеличиваю, что у немцев есть рога.

Мой сотрудник в Киргизии рассказывал, как они в середине пятидесятых годов, узнав, что к ним в село приезжают на постоянное жительство немцы, стояли на окраине села, спрятавшись за баней, с камнями в руках. «Видим, идут со станции. А... рогов нет! Мы так удивились, что забыли о намерении их камнями забросать», — рассказывал он мне.

Такими нам показывали немцев по телевизору минимум два-три раза в неделю. Конечно же, я пропаганде не верил, как казалось мне.

Наш учитель на курсах немецкого языка пригласил меня на демонстрацию в Бонн. Против Рейгана и против ракет «Першинг». Такого стечения народа я не видел ни разу в жизни. Столько коммунистов и марксистов мне не приходилось видеть даже в стране «победившего социализма».

Итак, первое, потрясшее меня до глубины души открытие, которое я сделал в Германии: немцы — левые. Марксистские идеи проникли в сознание немцев настолько глубоко, что я долго не мог поверить, что люди, с которыми я имею дело, — те самые западные немцы, которые считались злейшими врагами советских коммунистов.

Но наше служение в миссии «Свет на Востоке» позволило нам, Эльвире и мне, познакомиться со многими верующими людьми в земле Баден-Вюртемберг. Обычно это были небольшие домашние собрания или собрания

«штунды» после церковного служения. Мы видели в домах этих людей, на стене в кухне, списки узников за Слово Божье.

— Когда я готовлю завтрак, обед и ужин, то могу молиться за страдающую и гонимую церковь, — говорит нам хозяйка.

На меня смотрит с небольшого листка Галина Вельчинская — ее посадили в тюрьму за то, что она вела воскресную школу.

— За нее я молюсь особенно, — заметила мой взгляд хозяйка.

Мне кажется, Галина смотрит на меня с укором.

Я сделал для себя второе важное открытие: в Германии верующих людей гораздо больше, чем это кажется на первый взгляд, а их посвящение Господу и любовь к Его Церкви выходят далеко за узкие пределы наших представлений.

МЛАДШИЕ

Томас родился в Валдбрёле, а Марианна — уже в Штутгарте — это наши двое младших. Трудно себе представить детей с более разными характерами. С утра до вечера они вместе. Томас дразнит Марианну, она плачет, приходит жаловаться. Успокоившись, бежит искать его. Первые слова Марианны утром: «Где Томас?», а Томаса: «Марианна уже встала?»

Томас — динамичный, себе на уме. Полагаю, от наследственности зависит гораздо больше, чем мы думаем. Не мог же Томас знать, как я вел себя в четыре года! Не удивляюсь словам Писания, что все мы наследуем природу Адама.

Марианна — усыпанная, как золотом, веснушками, весёлая и приветливая девочка. Смотрю на нее и думаю: ангелы, должно быть, тоже с веснушками. Я знаю, что любовь слепа. А как смотрит на нас Бог? Какими Он видит нас?

Я знаю. Я — Его дитя. Я знаю, что Он мне радуется, как я — своим детям, которых Он дал мне на время.

МОЯ ЦЕРКОВЬ

В Корнтале мы практически никого не знаем. Есть здесь две семьи из Киргизии, которые уже пять-шесть лет живут в Германии! Нам это вечностью кажется. Бланки, Виктор и Елена, опекают нас во всем, что касается нашего устройства. Они пекутся о нас, как о своих родных. Вилли и Маргарите Фризен мы особенно благодарны. Они научили нас проводить свободное от работы время с детьми, играть с ними в игры и просто гулять по городу.

Нас, совсем чужих, пригласили на празднование Рождества. Для немцев, а Бланки и Фризенны, хотя и из России, типичные немцы, они и между собой говорят по-не-

мецки, Рождество — семейный праздник. Постепенно и ненавязчиво они показали нам преимущество общения с местными немцами, а не изоляции.

Первые годы особенно важны для интеграции. Наши новые друзья Вилли и Маргарита сыграли для нас неоценимую роль. Мы часто у них в гостях, даже отпуск они проводили вместе с нами.

Однажды Маргарита предложила присмотреть за Марианной, чтобы дать нам с Эльвирой возможность вместе поехать в Польшу и Чехию (в мою ответственность входит поиск новых путей для переправки христианской литературы за «железную занавес», и мне приходится часто ездить в страны Восточной Европы, в Советский Союз меня не пускают). Остальных детей взяли родители Эльвиры на это время.

Через Вилли и Маргариту мы нашли много новых друзей в церкви. Прошли десятилетия, а в памяти свежи приветливые улыбки и светящиеся любовью глаза нашего пресвитера, брата Мюллера, так его все называют, и его жены Маргариты.

А у руководителя воскресной школы Эльфи Хоршани такое широкое сердце, что она может вместить в него, так нам кажется, детей всего мира. И наши дети нашли там уют и тепло. Они в нашей церкви — дома. Нам никогда не приходилось детей заставлять идти в церковь.

Впервые стою перед церковью. На членском собрании я вышел вперед, чтобы сказать то, что меня просто переполняет. Мой немецкий оставляет желать лучшего. Но и молчать не могу — разорвется сердце: «Я бы хотел сей-

час пройти по рядам и погладить каждого по голове, прикоснуться к каждому и сказать, что я люблю вас. Вы — моя церковь. Я опять дома».

ДОМ

Первый год в Корнтале мы жили в очень маленькой, тесной квартире.

Потом нам предложили переехать в отдельно стоящий домик, принадлежавший когда-то вернувшемуся из Камеруна миссионеру, а теперь — его детям, которым уже более восьмидесяти. Домик старенький, но уютный, с газовыми печами.

Однажды хозяйка спрашивает меня:

— Господин Цорн, не хотели бы вы купить наш дом? Мы переходим жить в дом престарелых, поэтому вынуждены продать свою недвижимость.

— Конечно, хотел бы, — ответил я, не задумываясь. — Вопрос только в цене, сможем ли мы его купить.

— Мы пригласим специалиста, который оценит дом, потом поговорим.

— А я в это время узнаю, какой кредит нам может дать банк, — обещаю я.

И вот мы сидим за столиком в квартире нашей хозяйки. Она и ее сестра радостные, возбужденные.

— Вот оценка, — передают они нам папку с чертежами и расчетами. — Для Корнтала очень даже недорого.

Мы с Эльвирой смотрим на цифры, и у нас перехватывает дыхание.

— Мы не можем купить ваш дом, — говорю я с замиранием сердца и замечаю в глазах Эльвиры слезы. — Наш кредит на покупку дома меньше на пятьдесят тысяч марок.

— Ах, госпожа Цорн, не расстраивайтесь, — улыбается хозяйка, маленькая, щуплая, жизнерадостная старушка, бывшая учительница религии, и смотрит на свою сестру, которая всю жизнь была миссионеркой. — Господь сказал мне, чтобы мы продали дом вам, семье Цорн. Пятьдесят тысяч не должны играть тут никакой роли.

Она говорила о пятидесяти тысячах, как о пятистах марках.

Виктор Бланк, организованная им команда и наши родственники помогли нам перестроить дом, расширить его, и теперь мы живем в своем доме, посреди «святого Корнталья», как его называют. Мы знаем, что дом этот дал нам наш Господь, это Его подарок нам «на новоселье» в новой для нас и пока еще такой чужой Германии.

ПРАЗДНИК

Виктор Бланк — гениальный изобретатель тайников для нелегального провоза христианской литературы за «железный занавес» — в страны Восточной Европы. Два самых «продуктивных» мы отправили в 1982 году в

Финляндию. Оттуда ближе через границу, и поездки могут быть короче и чаще. Это вагоны-домики, трейлеры, которые можно прицепить к легковому автомобилю и ехать в отпуск.

В один такой «домик» вмещается 1110 Новых Заветов, в другой — 870. Вся мебель в них полая, прикреплена к полу и стенам так, что ее можно, зная, что открутить и куда надавить, разворачивать. Новые Заветы легко извлекаются. Когда освобождается мебель, в тесном домике не развернуться. Удивляешься, как в таких тонких стенках помещается такое огромное количество книг.

Я не могу себе позволить ехать в отпуск в Эстонию или Ленинград с таким вагоном-домиком на прицепе. Моя задача — находить в Советском Союзе добровольцев, устанавливая контакты, вести переговоры с финнами, привозить им литературу. Я еду на пароме, который идет из Хельсинки в Таллинн. Среди пассажиров — наши курьеры. Я еду встретиться с нашими главными людьми в Риге и Таллинне. До сих пор одним из важных для нас контактов был Янис Рожкалнс, но его арестовали. Нужно искать ему замену.

Перед пограничным контролем длинная очередь пассажиров. Как только пограничник берет в руки мой паспорт, он нажимает кнопку под столом, и ко мне направляются несколько человек в гражданском. В зале становится светлее: вижу людей с кинокамерами, направленными на меня. Фотограф не перестает делать снимки. Мне велят открыть чемодан, потом сумку. Ни-

чего не находят. Вижу, что ищущие начинают волноваться.

Я спокоен, так как знаю, что не взял с собой ничего, что могло бы меня скомпрометировать. Потом меня уводят в отдельную комнату. Там меня раздевают почти догола и продолжают обыскивать.

Руководящий обыском сотрудник КГБ, лет около 30, холёный, очень уверенный в себе, сдаётся. Ничего не нашли. Он представляется старшим следователем Николаем Ивановичем из Рижского управления КГБ. Следователь по делу Яниса Рожкалнса. Он показывает мне копии моих тайных писем Янису и говорит:

— Господин Цорн, согласно материалам следствия, вы проходите по нему в качестве одного из главных свидетелей. Согласитесь выступить на суде в качестве свидетеля — и вы будете иметь возможность приехать в нашу страну когда только захотите. Не согласитесь — ноги вашей никогда больше здесь не будет. Не видать вам ни друзей ваших, ни матери, ни родственников. Решать вам, но власть в наших руках.

Я недолго думаю. Выбора у меня нет. Не буду же я играть им на руку и свидетельствовать против моего друга и сотрудника.

— Господин следователь, — говорю я. — Свидетелем против Яниса Рожкалнса я выступать не буду. Отвечать на ваши вопросы я тоже больше не буду. Я гражданин ФРГ и говорить с вами буду только в присутствии нашего консула. Я делаю сейчас свое последнее заявление: будет ещё и на нашей улице праздник.

Прошло двадцать лет со времени этого разговора и моего выдворения из СССР.

После заседания правления Эстонского филиала миссии «Свет на Востоке» я гуляю с моими друзьями, нашими миссионерами в Санкт-Петербурге Сергеем и Ритой Конторович, по улицам старого Таллинна. Проходим мимо бывшего центрального управления КГБ Эстонии, и вдруг мое сердце наполняется таким восторгом и ликованием, что не могу сдержаться и во весь голос кричу во славу Божию. Сергей и Рита удивленно смотрят на меня.

— На нашей улице праздник! — отвечаю я на их немой вопрос и не могу сдержать слез радости.

ДАР

В феврале 1988 года выпустили всех осужденных за Слово Божье. Некоторые получили предложение эмигрировать. В их числе был и Янис Рожкалнс.

В марте 1988 года стало возможно посылать по почте книги в Советский Союз всем желающим. В миссию приходило по три тысячи писем в день!

Первый грузовик, загруженный литературой, пересек границу: в тайниках нужды больше не было!

Яков Тильман не удержался и сфотографировал грузовик на площади у собора Василия Блаженного, на фоне Спасской башни Кремля. Могу себе представить его чувства!

В 1989 году я получил, наконец, разрешение посольства посетить по приглашению Союза баптистов Украины Советский Союз с официальным визитом. Поехали мы с Эльвирой. Приняли нас очень радушно. Мы посетили многие церкви. Старались ездить туда, куда иностранцы обычно не едут: в сельские общины, провинциальные города.

Мы увидели битком набитые молитвенные дома. В первых рядах везде — дети. Много детей. Нам их было немного жаль: собрания длятся по два-три часа; четыре, а то и пять проповедей, притом только для взрослых.

— Нужно что-то придумать специально для детей, — говорит Эльвира. — Может, перевести материал для воскресной школы.

— Это опять не для детей, а для учителей воскресных школ. Хорошо было бы издавать что-то, что дети получали бы сами...

— Детский христианский журнал!

Мы до сих пор не знаем, кому из нас первому пришла эта мысль. Мы считаем ее нашей общей идеей, которую дал нам Господь при виде такого огромного количества детей, вынужденных слушать недоступные их пониманию проповеди. В пути выбираем название.

— «Колокольчик».

— «Звонок».

— «Огонек».

— «Лучик».

— «Тропинка»!

На этом мы остановились. Наши дети потом говорили

нам, что «Тропинка» — наш седьмой ребенок. «Дети — дар от Господа», — говорит Писание. В этом смысле наши дети были правы. Мы приняли этот журнал как дар от Господа.

По самым скромным подсчетам, у журнала более миллиона читателей. Эльвира готовит каждый очередной номер на русском языке, затем он переводится на украинский и немецкий языки.

Самая большая радость для нас — получать от детей и взрослых письма, в которых они пишут, что пришли к Господу и получили спасение благодаря чтению журнала.

А сейчас идет подготовка к изданию «Тропинки» на румынском и казахском языках. Страницы из «Тропинки» печатаются в нашем болгарском журнале «Прозорец» и в литовском «Живые источники». А английское издание, по мнению нашего директора в США Андрея Бондаренко, только вопрос времени.

ВСПОМНИ!

В 1990 году я ехал поездом из Киева в Шяуляй. Через Вильнюс поезд проходил ночью. Я спокойно спал в то время, когда советские танки штурмовали телевизионный центр, расстреливали защитников независимости.

Утром на всех каналах телевидения одна программа и одни и те же картины: по всей Литве массы людей на улицах, демонстрации в городах, беспокойные лица жи-

лых, познавших на собственном опыте все опасности великих перемен. И постоянно повторяющиеся кадры вооруженного столкновения в телевизионном центре в Вильнюсе прошлой ночью, в ночь с субботы на воскресенье.

Я говорю свою первую проповедь в свободной Литве, в стране, которой еще предстоит свою свободу отстаивать. Как никогда раньше, ощущаю свое единство с этим народом.

Через несколько дней еду в Ригу, откуда хочу лететь домой. Даже в такое смутное время автобусы идут по расписанию. В Риге волнение. Весь старый город в баррикадах, на которых дежурят люди с автоматами.

Хожу среди них, пью с ними кофе. Еду в телевизионный центр на острове. Там везде костры и множество вооруженных людей возле них.

Поднимаюсь на самый верх в сопровождении молодого человека с автоматом. Передо мной — панорама города, оцетинившегося и затаившего дыхание перед одним из решающих моментов своей истории.

Почему я в эти дни попал в Литву и Латвию? Почему Бог устроил так, чтобы я был здесь именно в эти дни? Я думаю, что Бог мне просто решил кое-что напомнить. Он как бы напоминал мне: «Помнишь, что Я говорил тебе, когда ты посещал Пяткуса и Терляцкаса, собирал подписи под написанными тобою письмами в Комитет по правам человека в ООН, когда организовывал петиции в Комитет защиты мира и писал письма Юрию Орлову и Андрею Сахарову? Вспомни, как Я сказал тебе: оставь

это дело Мне. Занимайся тем, к чему Я тебя призвал. Я знаю, знаю, что ты в конце концов послушался Меня. Потому Я и позволил тебе увидеть все это, увидеть собственными глазами».

РУБЕЖ

— Вызови, пожалуйста, врача. Мне очень плохо, — еле слышно говорю я Эльвире, сидящей возле моей постели.

Прибывший врач вызвал скорую. Меня перенесли в машину скорой помощи, и она, включив мигалки, помчалась в больницу.

Прихожу в себя. Надо мною суетится в панике врач скорой помощи. По-моему, он какими-то электроприборами заставил мое сердце опять работать.

— Говорите с нами, — просит медбрат и светит мне фонариком в глаза.

Врач в приемном покое больницы спросил меня, в чем дело. Я сказал, что от высокой температуры у меня останавливается сердце. Пока говорю с ним, чувствую, что мне опять становится плохо и я начинаю терять сознание.

Прихожу в себя за синей занавеской. Вокруг тихий говор. Зашел врач.

— О, вы пришли в себя! Это хорошо. Вы бывали где-нибудь за границей в последнее время?

— Да. В Украине и в России. Но это не имеет отношения к...

Врач что-то записал и вышел.

Я вспоминаю, как это было в первый раз. Мы ехали с Андреем поездом из Киргизии в Казахстан. У меня была высокая температура, и я посреди степи несколько раз терял сознание. Поезд остановили на полустанке, где был врач, и тот сделал мне жаропонижающий укол. Мне тогда показалось странным, что из-за меня поезд в степи остановили и что врач-казашка спасла мне жизнь. Я спал до самой Караганды, где Ольга, наша сестра, уложила меня в постель и обложила горчичниками.

Потом это повторилось еще раз, перед самым отъездом в Германию. Стоял лютый мороз, был буран, а нам нужно было из Риги возвращаться домой. Дороги все замело. За несколько километров до дома мы застряли в глубоком снегу — по окна машины. Долго боролись, потом сдались. Проезжавший мимо трактор прицепил нас цепью и дотащил, поверх сугробов и заносов, до самого дома. Мы так промокли и продрогли, что болезнь не заставила себя долго ждать. Я помню только, что мне стало плохо. Очень плохо. Больше ничего не помню.

Теперь, зимой 1995 года, это случилось со мной еще раз.

Врача нет. Я чувствую, что мне опять становится плохо. Думаю: «А что, если я вот прямо сейчас предстану перед Господом? Может, мне как-то подготовиться нужно?» Молюсь. Благодарю Бога за прощение, которое Он мне дал благодаря крови Христовой. Благодарю

за то, что Он взял на Себя все заботы мои о семье, если Он решил отозвать меня из этого мира. Думаю: «А как готовиться?» Вдруг осознаю, что мне, как Его ребенку, не нужно готовиться — Он меня приготовил.

Теряю сознание.

МОЕ ВРЕМЯ

Мне всегда казалось, что я живу не в свое время. Когда я был ребенком и жил в Казахстане, я часто уходил один далеко в степь между сопками, чтобы не видно было терриконигов шахт и дыма от паровозов, ложился в зарослях караганика или в тени огромных лопухов и мечтал.

Надо мной только синее небо, редкие облака. Я слышал мерный грозный шаг пехоты Александра Македонского или топот конницы Чингисхана. Мимо меня пробегали охотники с каменными топорами в погоне за диковинными животными, или пастух пел недоступную моему восприятию песню и аккомпанировал себе на старинном инструменте. Черты лица его были такие чужие и такие близкие!

Мои фантазии зависели от того, какую книгу я читал, и жизнь в описываемую эпоху всегда казалась мне интересней, чем в наше время.

Чуть повзрослев, я стал читать научную фантастику и книги из серии «Библиотека приключений». Мне каза-

лось, что моя настоящая жизнь — жизнь во времена моих героев, что моя реальная жизнь — это не наше время.

Прошло много лет. Я стал взрослым. Уверовал. Прошел свое первое испытание огнем в армии. Но чувство, что я живу не в свое время, осталось. Оно было уже не таким повседневно сильным, но было всегда. Особенно, когда я читал книгу Деяния апостолов. Иногда я сидел на собрании, а слышал звон мечей — это торговцы защищаются от разбойников, или топот ног, обутых в сандалии, — это путники в горах. А среди них Павел.

В церкви пел хор, а я иногда слышал завывание ветра в снастях терпящего крушение корабля. Буря стихала, и я видел лежащего на обломках и качающегося на волнах одинокого человека. Лицо и спина его — все в шрамах. Кожа от ветра и солнца как дубленая. Он открывает глаза...

— Встанем для молитвы, — говорит пресвитер.

Да, мне всегда казалось, что я живу не в свое время. Не могу сказать, что я был несчастлив. Ни в коем случае. Просто где-то глубоко в моей душе была какая-то неопределенная пустота, которую я не мог ничем заполнить. Не мог же я перенестись в прошлое на машине времени моего любимого автора — Герберта Уэллса! Я это прекрасно понимал и радовался небу.

Есть на Кавказе народ, который имеет очень интересную историю. Балкарцы. Я в гостях в Нальчике. Здесь наша миссия поддерживает служение балкарского проповедника и евангелиста Алима Кульбаева.

— Хочешь поехать со мной в село? У нас там домашнее собрание, — предлагает он.

— Конечно, хочу!

После недолгой езды мы приехали в село. Дома в нем бедные, дворы многих домов не огорожены, улицы местами похожи на свалку, а местами — и на обширное мелководное болото, в котором чувствуют себя уютно только утки, гуси да деревенская детвора.

Прошли мы в дом. Там уже собралась небольшая группа людей. Хозяйку зовут Баблина (бабушка Лина). Рядом ее дочь и внук. Алим со своим сыном. Старик. Зовут его Ибрагим Гелястянов. Он перевел Новый Завет и Псалтирь на балкарский язык.

Из него и читает затем Алим и проповедует, ссылаясь на испещренный зеленой и красной корректурной правкой текст, отпечатанный на игольчатом принтере. Алим держит листы в крепких, разрисованных татуировкой руках, — он пять раз сидел в тюрьме. «За все грехи, которые есть», — говорит он. О чем проповедует, не знаю. Знаю только, что по Евангелию от Матфея.

Алим Кульбаев приглашает спеть одну-две песни. Поем на балкарском языке. В сборниках у них песен пять, может быть, десять — не больше. Знакомые. Петь легко.

Потом молитва. Все встали на колени. Я сказал Господу, что было на душе, и слушаю, как молятся другие. Особенно один голос выделяется. Кто-то горячо и убедительно что-то говорит Господу. Приоткрыл один глаз, смотрю — Баблина руки подняла вверх, глаза раскрыты

и говорит так, будто просительница перед престолом Царя за весь мир просит.

Я закрыл глаза — мне стало неудобно: она с Богом говорит, а я подсматриваю. Ко мне медленно приходит осознание, что Господь позволил мне присутствовать на одном из первых собраний первой балкарской церкви, слушать первого балкарского проповедника и молиться вместе с переводчиком главной книги за всю историю балкарского народа, слушать ходатайственную молитву одной из первых святых этого народа — Баблины...

Я почувствовал себя перенесенным во времена деяний апостолов. Это тот же самый Бог создает здесь, в горном селе на Кавказе, среди балкарского народа, Свою Церковь, точно так же, как Он созидал Свою Церковь 2000 лет назад. Пытаюсь отыскать в душе чувство несоответствия, которое сопровождало меня всю жизнь, и не могу его найти.

Я живу в мое время. В Его время.

ПИСЬМО

Я сижу в кабинете Эльвиры. Она — главный редактор «Тропинки». Нам так кажется, что «Тропинка» стала нашим с ней основным служением.

Никогда бы не смог подумать, что мы с ней журналистами станем.

— Послушай, — говорит Эльвира, — пришло письмо

из Украины от одной девочки, которая подписалась на журнал в Киеве.

Письма мы получаем регулярно. Их очень много, писем от читателей. Таких, как это, — не так много, но тоже бывают.

Эльвира читает: «Меня зовут Маша. Живу я в селе Н., в Украине. Семья моя неверующая. С „Тропинкой“ я познакомилась в нашей библиотеке. Журнал мне понравился. Я написала по адресу, который был указан в „Тропинке“, и стала получать его регулярно. Я с нетерпением жду каждого нового номера. Получу — не могу ничего делать, пока не прочту.

Однажды я не успела журнал прочесть дома и взяла его в школу. Сажу на уроке и читаю. Стараюсь, чтобы учительница не увидела. Но она увидела и отняла у меня журнал. Пока мы делали задание, она его читала. Потом говорит мне: „Маша, ты почему скрывала от нас, что выписываешь такой хороший журнал? Мы его всем классом читать можем“. И стала его всем читать. Теперь весь наш класс верующий, и мы вместе с учительницей ходим в церковь».

Голос Эльвиры немного дрожит, когда она читает письмо. Я ее понимаю. Могли ли мы когда-то мечтать о том, чтобы Господь позволил нам говорить к миллиону детей?

Иногда Он дает нам знать: «„Тропинка“ — Мое дело. Посмотрите, как Я ею людей спасаю». И побуждает Машу написать нам письмо.

ЕГО НАРОД

Я никогда не думал, что Бог окажет нам такую честь, что у нас в доме будут собираться евреи. Что они будут спрашивать нас об их Боге и их Мессии.

— Вальдемар, я не хочу, как говорят, наводить тень на плетень, я — безбожник, — говорит мне небольшого роста человек лет пятидесяти пяти, которого зовут Марк Раик, кандидат наук Марк Раик.

Проходят недели. Раз в неделю, по вечерам, в нашем доме — кружок: встречи с людьми, желающими поговорить с нами о жизни, о стране, об истории Израиля, о Боге.

После двенадцати ночи я отвожу наших гостей в лагерь для переселенцев. Там у нас уже много знакомых. Среди них и наши первые — Анатолий и Ирина Ушомирские. Они приехали в Германию через неделю после того, как приняли крещение, и посетили меня в миссии. Так завязалось наше знакомство.

— Вальдемар, мне кажется, что я начинаю верить в Бога, — говорит мне Марк через несколько недель во время прогулки по лесу.

Эльвира с Розой Сергеевной, его женой, немного отстали от нас.

В лагере живут и Фишбайны. Гена, Валя и двое очень живых и подвижных детей. Когда я рассказал им суть Евангелия и спросил, желают ли они покаяться и принять Иисуса Христа, они охотно это сделали. Гена в кружке —

самый активный, больше всех вопросов задает. Мы не поем и не молимся — такой у нас кружок.

— Вальдемар, — говорит Марк после одного из собраний кружка. — Мы уже много знаем о христианстве. Не могли бы вы дать нам общий обзор или преподать нам систему христианского учения?

Несколько лет подряд мы проходили с кружковцами «Упражнения в христианстве». Саша с Зельмой, это моя сестра с мужем, тоже подключились к нам. Спустя некоторое время мы уже и поем, и молимся в кружке. Песни на русском, немецком и еврейском языках.

— Вальдемар, я уже начал молиться, — признается мне Марк и смотрит на меня выжидающе: что я скажу.

Не помню, что я сказал. Но если бы только он мог заглянуть мне в сердце!

В кружке у нас побывало очень много людей. Больше ста, это точно. Когда мы все собираемся, то еле помещаемся в нашем большом зале.

— Я готов, — говорит Марк Раик.

— К чему готов? — спрашиваю.

— Мне кажется, что я созрел. Я бы хотел покаяться.

Я радуюсь. Это уже не мое дело. Это Бог Марком Раиком занимается. Кандидатом наук Марком Раиком.

Я никогда не думал, что смогу по памяти петь песни на иврите.

МЕКОНГ

Перед моим мысленным взором — школьные годы. Я учусь в четвертом классе. Перемена. Все выходят во двор. Я, как всегда перед уроком географии, остаюсь в классе, чтобы постоять перед огромной физической картой мира. Если бы карта висела ниже, или я был выше ростом, или догадался бы забраться на стул, то, может быть, я «заболел» бы Норвегией или Гренландией. А так я не могу оторвать взгляда от Индокитая.

Я смотрю на карту и вижу густые джунгли, свисающие с огромных деревьев лианы, слышу крик обезьян в ветвях, вижу склоненных на рисовом поле работников с круглыми шляпами на головах, со спины слона смотрю на ряды поклоняющихся Будде монахов.

Перемены в школе, как всегда, слишком короткие. Звонок на урок для меня обычно был неожиданностью: я оказывался посреди Казахстана, во временном здании поселковой школы. Куда только в детстве так спешит время?

Прошло сорок лет. Я живу в гостинице в городе Чиангмай, бывшей столице Северного царства Таиланда. Мог ли я подумать, будучи мальчишкой, что попаду сюда, что буду ходить по пыльной земле Лаоса, стоять на границе с Бирмой и плыть на лодке по реке Меконг?!

Видит Бог, я — не поэт. Но эта поездка так меня взволновала, что я не мог не писать. Пишу Эльвире:

Теперь я видел наяву

И городскую суету,

И рисовых полей квадраты,
Согбенных тайцев череду,
Несущих тяжкую судьбу
К стопам глухого Гаутамы.

ОЛЕГ

С тетей Ганей я подружился сразу после того, как уверовал. Старушка, небольшого роста, немного сгорбленная. А в глазах — такой огонь, любой молодой позавидует.

У тети Гани есть сын Олег. Он недавно вышел из тюрьмы, и тетя Ганя рада, что он ходит с нами на собрания, что мы с ним дружим и принимаем его как своего. Наш пресвитер решил — купим Олегу кларнет, чтобы мог играть в оркестре. Олег еще неверующий, но слушает внимательно. Себе на уме.

Во время службы в армии мы долго переписывались. Много-много лет его имя — в моей ежедневной молитве.

После тридцати лет переписка возобновилась. Вот уж у Бога много терпения! Олег уверовал. Член церкви и проповедник.

Поехал я по делам служения на Дальний Восток — там несколько миссионеров, которых мы поддерживаем, несут служение. Лечу с волнением: договорились встретиться с Олегом. В аэропорту Владивостока встречаемся.

— Ну ты, брат, постарел, не узнать тебя, — говорит, улыбаясь, Олег.

— Тридцать лет прошло, «молодой человек», — отвечаю, отдышавшись от объятий.

Вам приходилось когда-нибудь складывать пазл? Это картонная мозаика такая. Когда ее сложишь, то получается большая картина. И бывает, что какая-то частичка мозаики вроде и подходит по всем параметрам — цвету, штрихам, а ты пытаешься ее вставить — и не получается. Не отсюда она.

У меня такое ощущение с Олегом. Мне кажется, что я внутренне только тогда успокоюсь, когда он будет рядом. Я воспринимаю разделившее нас время и огромное пространство в 12 часовых поясов как что-то неправильное.

Или это я по небу тоскую?

ЗА АЛТАЕМ

Когда мне было лет пять или шесть, я хотел знать, что лежит за лесопосадкой. Отец говорил: «Китай». Мама говорила, что там живут люди, похожие на наших квартирантов, калмыков.

— Если вы пошлете миссионеров в Туву, то мы обязуемся их поддерживать, — предлагаю я руководителям миссии «Свет Евангелия» во время Лозаннской конференции в Москве в 1990 году.

— Хорошо, мы подумаем и ответим.

Прошло более десяти лет со времени этого разговора.

На собрании в церкви «Свет Евангелия», что в Кызыле, столице Тувы, — рукоположение двух братьев на пресвитерское служение.

Василий Иванович Давидюк и двое других братьев молятся над посвящаемыми Богу. Пение. На тувинском языке, мелодичное, гортанное, низкое. Я смотрю на зал. Все верующие в зале похожи на наших квартирантов на Алтае.

На следующий день поездка по степи — что может быть прекраснее? — в Ак-Довурак. Степь уходит волнами холмов к синим горам на горизонте. Мне кажется, что она дышит.

В Ак-Довураке крещение в новой общине. Стою на берегу горной реки. Детвора поймала руками рыбку. Щелбечут на тувинском, непонятном и таком близком мне языке.

Крещение, потом собрание, вечеря Господня и рукоположение на пасторское служение молодого тувинца. Я здесь и не здесь. Я как будто смотрю на происходящее из другого времени. Поднимаю глаза и вижу, как заходит солнце над Алтайскими горами, за ними — моя родина.

Я вижу степь, лесопосадку и мальчика, который смотрит в мою сторону, прикрыв глаза рукой. Лица его я не вижу: солнце заходит за спиной мальчика, такое яркое и красивое, что вызывает у меня слезы.

УКРАИНЦЫ

Откуда приходит любовь? Вдруг реально ощущаешь, что она здесь.

Украинцев я полюбил заочно: слушая христианские радиопередачи во время службы в армии. Правда, старшину Николая Шевчука, прозванного драконом за несправедливость, я, по непонятным причинам, украинцем не считал. А то бы я никогда не смог полюбить украинцев, их язык, их образ жизни и мышления.

Когда я сейчас думаю об Украине, перед моими глазами проплывают лица: лица украинцев, русских, евреев, болгар, знакомых и незнакомых. Лица, лица, лица... Лица моих друзей, живущих в стране, которую Бог любит особенно.

— Тебе легко любить украинцев, — говорит мне Григорий Иванович Комендант, председатель Союза баптистов Украины, — у тебя такие хорошие сотрудники.

Мы с ним на конференции рядом сидим. Я чувствую, как от этих слов тепло, начиная от сердца, разливается по всему телу. «Ибо любовь Божья излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам». Оттуда она приходит, полагаю. «У меня здесь больше, чем только сотрудники, — здесь мои друзья, здесь моя церковь», — думаю я и растворяюсь в словах украинской песни.

МОЛОКАНЕ

В начале двадцатого века Астраханка была большим молоканским селом в Украине. В ней было три больших молитвенных дома молокан.

Почти сто лет прошло с тех пор, как в Астраханке начал свое служение сотрудник Базельской миссии Вальтер Жак. Сначала он организовал «почту», потом библейскую школу.

Директор нашей миссии Эрвин Дамсон, директор нашей украинской миссии Василий Давидюк и я стоим перед зданием, в котором сто лет назад преподавал основатель миссии «Свет на Востоке» — нашей миссии. Теперь в этом доме сельсовет и... молитвенный дом общины духовных христиан-молокан.

Приветливая старушка показывает нам помещения и рассказывает о жизни общины:

— Раз в две недели к нам приезжает пресвитер, и мы можем проводить служение. Я живу напротив и открываю тогда Дом молитвы. Да и за порядком слежу. Вот, крыша протекать стала. Не знаем, что и делать: мало нас осталось-то.

— Мы — сотрудники миссии «Свет на Востоке» и приехали из Германии, — рассказываю я. — Основатель нашей миссии, Вальтер Жак, когда-то служил в вашей общине, в этом здании...

— Была библейская школа, — прерывает меня старушка. — О нем в общине еще помнят, хотя времени прошло уже очень много.

— А что бы вы сказали, если бы наша миссия опять прислала сюда миссионера?

— Я думаю, что все село бы радовалось.

Мы прощаемся. В сердце еще долго эхом отдается «македонский голос»: «Придите, помогите нам».

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

С Украиной я познакомился посредством радио («Ви слухали передачу „Посланец правди“. Слушайте нас на цих хвилях щотижня») и благодаря Якову Кузьмичу Духонченко. С ним мы подружились еще тогда, когда меня в Советский Союз не впускали, а он приезжал в составе делегаций Союза баптистов на конференции в Германию. Я полюбил этого большого, начитанного, духовного, со здоровым чувством юмора человека с первой же встречи. И не разочаровался в нем. После того, как он умер, мне еще долго казалось, что из нашего братства в Украине ушла душа.

Однажды мы с Эльвирой были приглашены Яковым Кузьмичом в церковь в Дарнице. Здание молитвенного дома здесь особенной архитектуры. Когда-то это был жилой дом, к которому в течение времени неоднократно пристраивались дополнительные помещения и соединялись с главным залом, который постепенно приобрел вид длинного коридора с высоким помостом для хора впереди и возвышающейся над всем кафедрой.

Стою я на кафедре. Вид сверху немного смущает. Среди многочисленных слушателей замечаю в пятом ряду, слева, женщину, которая явно не член Дарницкой церкви: макияж, волосы крашенные, сережки в ушах. Слушает внимательно.

Когда проповедуешь, замечаешь, если кто-то особенно внимательно слушает. Иногда случается, что начинаешь проповедовать для одного человека. Правильно это или нет, не могу сказать.

После проповеди пресвитер приглашает тех, кого коснулось Слово Божье, пройти вперед. Выходит несколько молодых людей. Случайно посмотрел на пятый ряд слева. Смотрю, женщину эту ее соседка локтем подталкивает. По губам вижу: «Иди!» — говорит. Женщина что-то отвечает. Потом, вижу, идет. Проходит вперед, молится молитвой покаяния. Краска с ресниц размазалась, но лицо просветленное и смущенное.

Пресвитер подал мне Новые Заветы и заранее приготовленные цветы (знают, что каждое воскресенье люди выходят на покаяние?) и попросил меня поздравить покаявшихся. Поздравляю, знакомлюсь.

— А вас как зовут? — спрашиваю я женщину с крашеными волосами.

— Тая Иосифовна...

— Где вы работаете? — спрашиваю.

— Я заведующая кафедрой философии Киевского госуниверситета. На собрание я с соседкой пришла, — отвечает она.

«Трудно будет такой образованной женщине в нашей

обычной общине, — думаю я. — Пошлю ей несколько специальных книг для начала». Но подойти еще раз постеснялся. Подошел к нашей сестре, соседке, подтолкнувшей мою новую знакомую локтем к такому важному шагу, и спрашиваю:

— Вы хорошо знакомы с Таей Иосифовной?

— Да. Мы на одной лестничной площадке живем. Мы уже много лет дружим. Она со мной в церковь приходит.

— Я бы хотел прислать несколько книг для вашей соседки. Я пришлю их вам, а вы их ей подарите. Хорошо?

— Охотно.

Я подаю сестре листок бумаги и ручку со словами:

— Напишите мне, пожалуйста, ваш адрес...

Вижу, как лицо старушки покрывается густым румянцем:

— Я... я не умею писать...

— Ничего, — отвечаю, — я запишу.

Пишу, а руки дрожат оттого, что в очередной раз ощутил реальность присутствия и действия Духа Святого: не умеющая читать и писать женщина приводит к Богу профессора, доктора философии. Это не люди, это только Бог может совершить такое.

ИСКУПЛЕННЫЕ ОДНОЙ КРОВЬЮ

Каждый год наш детский миссионерский отдел в Киеве организывает праздник «Тропинки». Это всегда большой праздник. Иногда у нас с Эльвирой появляется возможность побывать на этом торжестве. У киевлян неистощимая фантазия. Не перестаю удивляться.

На этот раз они организовали «круглый стол» издателей детских журналов Украины. Люди собрались интересные. Рассказывают и представляют свои издания по очереди. Журналы представлены разные, в основном очень хорошо изданные. Мы представили нашу «Тропинку». Христианский журнал вызывает особую реакцию, я бы сказал, настороженный интерес.

Особенно близки нам по духу издатели «Малютки», украинского детского журнала. Раньше это был журнал ЦК комсомола Украины. Мы им тоже приглянулись. Пригласили они нас на следующий день в гости: познакомиться с коллективом и работой журнала.

Пришли мы целой делегацией: Василий и Алла Давидюк, Олег Пурик — наш директор в Киеве и мы с Эльвирой.

Мы ожидали рабочей встречи, а попали за накрытый стол и в круг заинтересованных людей. Вопросы касались в основном христианского содержания нашего журнала и духовной жизни вообще.

Особенный интерес проявляла главный редактор Светлана Алексеевна. Мы посоветовали ей пойти в церковь Василия Ивановича.

— Обязательно придем. Всей семьей, — уверенно говорит Светлана Алексеевна.

— Нам было очень приятно познакомиться с вами, — отвечаем, — вы доставили нам большое удовольствие, познакомив с коллективом и работой вашего журнала.

Через полгода я опять был в Киеве. Сидим мы в гостях у Давидюков, за, как всегда, прекрасно накрытым столом.

И вместе с нами наши новые друзья — Светлана Алексеевна с мужем. Давидюки нам уже рассказали, что вся эта семья приняла Христа.

Муж Светланы Алексеевны — приятный седоволосый человек. Знакомимся.

— А где вы работаете? — спрашиваю.

— Я работаю в «органах», подполковник службы безопасности Украины, бывший КГБ.

— А я в миссии «Свет на Востоке» работаю...

— Я знаю, мне рассказали о вас. Мне ваше имя знакомо еще со времен моей работы в «пятом отделе». Нас о вашей деятельности предупреждали...

— Что подтолкнуло вас к вере в Бога? — спрашиваю Валерия Павловича (так зовут моего собеседника).

— Много лет назад я «работал» с одним баптистским проповедником. Он не был особенно грамотным человеком. Но он сказал мне тогда: «Вот увидите, вся эта система развалится без прикосновения рук человеческих. Об этом в Книге пророка Даниила написано». Я посмеялся тогда над ним. Кто мог представить, что пройдет всего лет десять, и слова этого человека исполнятся?!

Ведь мы-то, в органах, должны были такое развитие предвидеть, а не предвидели. Значит, есть Некто, Кто управляет историей. И потом — Библия. Я ее много читал и раньше, а тут она вдруг «заговорила» со мной...

Я сижу и слушаю свидетельство моего брата, и в сердце моем мир теплом разливается. Я Валерия Павловича полюбил сразу. Я знаю, что мы искуплены одной Кровью, что мы принадлежим одному Господу и вместе будем проводить вечность. Я этому радуюсь.

НОЧЬ

Ивану Вылкову — руководителю нашей миссии в Болгарии, друзья в Германии купили микроавтобус. Дареному коню, как известно, в зубы не смотрят. Но ремонта оказалось много, прежде чем наши гости могли отправиться в путь, домой, в Болгарию. Помолились. Проводил их часов в десять вечера.

Просыпаюсь от телефонного звонка посреди ночи. Звонит Иван. Они на подъезде к австрийской границе. Решили проверить документы и обнаружили, что бумаги от подаренного автобуса забыли на столе в гараже. Просят открыть им гараж часа через три или четыре. Представляю себе, какая дорога им еще предстоит, и говорю, чтобы ложились в автобусе спать и ждали моего приезда. Это же им весь путь с начала начинать! Встаю, одеваюсь, еду в миссию. Документы нахожу сразу.

Беру из шкафчика ключи от служебной машины и вспоминаю, что у нас есть кассеты с книгами, начитанными в Киеве для слепых. Выбираю «Исполняйтесь Духом Святым» Эрнста Модерзона.

Автострада почти совсем пустая. Равномерно гудит двигатель и шумит встречный ветер. Слушаю «голос» Модерзона. Не замечаю, как пролетает время, и нахожу на стоянке наших болгарских сотрудников. Передаю документы и желаю им благословенного пути. Мне не терпится вернуться в тишину и одиночество моей машины к Модерзону и к непередаваемой прелести действия Духа Святого. Возвращаюсь домой. Рассветает. На душе так же светло и радостно: Бог говорил со мной несколько часов.

Иван говорит, что мое решение привезти им документы утвердило его в уверенности, что работает он в Божьей миссии. Что на нас можно положиться. Я, конечно же, рад этому, но я думаю, что положиться можно только на Бога. Я думаю, что Богу просто захотелось со мной поговорить. Этому я радуюсь больше.

ПУГАЛО

Читаю письмо и глазам своим не верю: от Бориса Иосифовича Гальперина. Десятилетия для меня с этим именем была связана самая агрессивная атеистическая пропаганда и преследование верующих. Сначала в Кир-

гизии, а потом и по всему Советскому Союзу. Настоящее пугало для верующих.

Так вот, Борис Иосифович пишет: «В моей жизни было много событий, которые заставляли задумываться. Я перенес 14 операций, из них несколько сложнейших, имеющих одни — четыре процента, другие — десять процентов благоприятных исходов. Статистика говорила в пользу смерти, я должен был умереть... Поэтому я не мог остаться равнодушным к словам Ивана Даниловича Кушнирчука, живущего сейчас в США, который говорил, что молится за меня, что Господь любит меня и оставляет мне время для покаяния.

Каждый раз перед операцией я мысленно обращался к Богу. Да и в артиллерийском училище, где я получал военную специальность, я под одеялом крестился и просил у Бога прощения. То есть я колебался, то признавая Бога, то отвергая Его. Во Фрунзе я говорил знакомым верующим: „Если вам удастся убедить меня, я положу свой партбилет и пойду с вами“. Хотя часто под влиянием успехов естествознания я уверялся в том, что Бога все-таки нет.

Таковы были особенности моего мировоззрения. И только в новое время, когда я прочел много неизвестной мне прежде литературы, в частности книгу „Совокупность совершенства“ П. Рогозина, которая произвела на меня очень сильное впечатление, я стал видеть бездоказательность теории эволюции и окончательно склонился на сторону Бога».

Читаю письмо и вижу человека на пыльной дороге,

ведущей в Дамаск, вижу свет и слышу голос: «Борис, что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна...»

Кто я, чтобы этому не верить?!

В СТРАНЕ ГОСПОДА

— **О**се шалом бим ромав... — тихо и благоговейно поем мы с Эльвирой, укрывшись в углу Гефсиманского сада, древнюю иудейскую молитву о мире для Иерусалима.

— Как только мог Господь выбрать для Своего народа такую пустыню? — удивляемся мы, проезжая на арендованном «Фиате» мимо города Арад и направляясь в сторону южной точки Израиля — Эйлат.

Мы в Израиле уже почти две недели. Мы гуляли по Назарету и видели арабскую христианскую свадьбу в Кане галилейской. Мы поднялись мимо села Дебории на вершину горы Преображения и рассматривали селения в долине Армагеддон.

С горы Кармил мы спустились к потоку Киссон и проехали к Тивериадскому озеру.

Мы бродили по берегу озера, в котором ловили рыбу апостолы и по водам которого ходил Иисус Христос.

Два дня провели в Иерусалиме. Гуляли на горе Сион, спускались к купальне Вифезда и прошли по улице Виа Долороса — Пути страдания Господа. Долго были в саду, «где была гробница новая», рядом с так называемой

«протестантской Голгофой», под ней — арабский автовокзал.

Мы заходили в церкви и синагоги, бродили по развалинам Капернаума и Кесарии, рассматривали выставки в Кумране и поднимались на Масаду. На пути в Эйлат заехали в кибуц и пили вкуснейший кефир, производимый там.

Странным взглядом провожали нас высеченные высоко в скале древнеегипетские фигуры, когда мы гуляли по копиям царя Соломона.

— Смотри, как прекрасна пустыня! — Эльвира показывает рукой на уходящие вдаль пологие темно-коричневые волны. — Как страницы старой книги.

Мы стоим на горе Лота. Слева — Мертвое море, справа — Иудейская пустыня, перед нами уходит на юг пустыня Негев.

Мы закрываем глаза и слышим шелест древних страниц и скрип песка под подошвами сандалий.

ВДВОЕМ

Проснулся от легкого прикосновения.

— Это тебе! — первое, что слышу утром 20 мая 1998 года.

Эта дата ничем не примечательна для мира. Но не так для нас с Эльвирой.

Мы в поездке по США. Посещаем эмигрантские

церкви со Словом Божьим. Сегодня мы в гостях у наших друзей Андрея и Наташи Бондаренко.

Еще немного сонный, держу в руках фотографию, которую мне дала Эльвира. На фотографии — альбом с названием «Наше богатство». На обложке — все наши дети! Ясно, о чем речь идет: мы 25 лет женаты!

— Сам альбом тебя дома ждет, — говорит Эльвира.

От счастья кружится голова. Сколько счастья может выдержать человек?

Двадцать пять лет назад Николай Никитович Сизов говорил на нашем бракосочетании проповедь на слова Писания: «Что Он вам скажет, то сделайте». Благословляя наш брак, он сказал, что мы можем прожить всю жизнь, ни разу не поссорившись, — если будем делать только то, что Он, Иисус, скажет. Стараемся.

Наша серебряная свадьба. Поездка по Америке — подарок к ней от Господа. Ему нравится радовать нас: Николая Никитовича Сизова опять встретили. В городе Спокен, штат Вашингтон. И, как 25 лет назад, он благословил нас. Сколько благословений нужно человеку?!

Не знаю. Я их не считаю. Я им радуюсь.

ДРУГ В ГОСТЯХ

Я встретил Меелиса Малву в аэропорту Франкфурта. С ним я в армии служил. Беседы с ним составляют основную часть моих дневников того времени. Меелис

моложе меня года на два. А встречаю старика в инвалидной коляске. Только глаза такие же молодые и такие же задорные.

У Меелиса рассеянный склероз. Он живет в Эстонии. В Германии, в гостях у меня, он впервые.

В душе теплится надежда, что две недели, которые мы проведем вместе, помогут ему примириться с Богом.

Посещаем с ним остров Майнау, зоопарк, гуляем по лесу и по городу. Говорим много. Узнаю моего друга. Не по голосу, а по мыслям; не по словам, а по отношению к Богу.

Иногда беседа слово в слово повторяет наши разговоры во время службы в армии. Как будто не прошло тридцати лет, как будто никто и ничто не изменилось.

Убеждаюсь: время никого не меняет. И не тридцать лет, а одно мгновение может изменить все и меняет, если человек меняет свое отношение к Богу и к тому, что Он говорит. В этом я тоже убедился. Притом не раз.

Франкфурт. Идет посадка на самолет в Таллинн. Прощаюсь со своим старым другом. Я знаю, наивно было верить, будто что-то может измениться только потому, что мы были вместе. Вручаю его — в который раз! — Богу и Его милости. Знаю, что Он Меелиса любит. А то почему бы Он тридцать лет за ним ходил?!

Меелис молится. Он радуется подаренному ему Богом общению со мной.

ЧТО ЗА ДРУГА МЫ ИМЕЕМ!

Мы с братьями едем поездом из Алматы в Астану. Прекрасное общение. Рассказы до полуночи. Молитвы друг за друга.

Гена рассказывает. Извините, Генрих Францевич Фот. Он верный друг. Мы с ним вместе постарели.

...Караганда. Начало девяностых годов прошлого века. В городе пустынно, ветер гонит по проспекту обрывки газет и потертые от долгого пути по степи кульки из-под продуктов. В народе уныние. В магазинах пусто. То там, то тут длинные очереди: что-то там дают. Но мы не останавливаемся. Перед нами еще дальняя дорога — домой, в Бишкек. При всем этом царящем в народе унынии на душе светло от общения с братьями на прошедшей миссионерской конференции. Но как это всегда бывает — у каждой радости есть предел. Наш предел — бензин, где его достать? У нас бак пустой, стрелка на нуле. Едем на единственную действующую заправку в городе, где, как нам сказали сведущие люди, бывает бензин. «Но дают только по десять литров на машину», — предупредили нас. Приехали. И в буквальном, и в переносном смысле: до заправки еще далеко, а вокруг море машин. Всем нужен бензин. Если стать в очередь — прождем дня два, а получим ли бензин, неизвестно. Притом, десять литров на машину, а нам ехать без малого тысячу километров.

— Что делать будем? — спрашиваю братьев.

— Молиться, — говорит Андрей.

Братья молятся. После небольшой заминки молюсь и я. Не буду пересказывать все мысли, что пронеслись у меня в голове.

— Господи, — молюсь, — приехали мы сюда, в Караганду, по Твоему поручению и по Твоим делам. Ты Сам знаешь, что нам нужно ехать домой и что нет бензина. Что нам делать, Господи? Помоги. Только Ты знаешь, как это сделать, ибо уже часто выручал нас из подобных ситуаций. Аминь.

— Что будем делать? — спрашивает один из братьев.

— Едем до совхоза Н. Он лежит на пути. Дотянем до него на резерве. Это километров около сорока. Там на заправке тоже бывает бензин, — отвечаю я как сидящий за рулем.

Сидящий за рулем, по неписаному правилу, всегда большую ответственность несет, и за ним — последнее слово.

Выехали на новую объездную, мимо аэропорта, и вперед — по пустынной трассе на юг. Машин очень мало. Так и кажется, что они все на заправках стоят.

С тревогой наблюдаем за стрелкой. Но она спокойно лежит на нижней отметке и не шевелится. Рядом с ней загорелась красная лампочка: значит, бензобак уже совсем пустой.

Приехали в совхоз. Заезжаем на заправку. Там никого, кроме заправщицы, нет. Сидит, книгу читает.

— Бензин есть? — спрашиваю ее с едва теплящейся надеждой.

— Нет, — отвечает женщина, не поднимая головы.

Я склоняю голову (мелькает мысль: «А не специально ли они так низко эти окошечки делают, чтобы покупателей к смирению приучать?») к маленькому зарешеченному и выкрашенному густой синей краской окну.

— А когда будет?

— Обещали через неделю. Может, и привезут через неделю, а то и через две.

Возвращаюсь к машине.

— Что делать будем? — спрашиваю помрачневших братьев.

— Едем дальше. Что остается делать? — отвечает собрание мужей Божьих.

Я взял из машины Новый Завет и подал его удивленной заправщице:

— Хотите Новый Завет почитать?

— Спасибо. С удовольствием.

Едем. Молчим. Молимся.

— Давай что-нибудь споем, — предлагаю.

Хор нестройный, но слова прекрасные:

«Что за Друга мы имеем,

Нас Он к жизни пробудил,

В Нем мы счастьем владеем,

В Нем — источник вечных сил».

Поем и молимся. На каждой кочке замирает дух — не двигатель? Нет, работает еще. Поем. Едем. Молимся. Поем. Едем, едем, едем...

Верблюды в степи показались. «Ого, — думаю, — как

далеко мы уже проехали». Смотрят нам вслед. Мне кажется, что в их печальных глазах я вижу удивление.

Троих моих попутчиков разморило на майском солнышке.

Иногда для общения с Господом и слов не нужно. У вас тоже так бывает? Да и с близкими друзьями иногда просто помолчать так приятно, такое благословение от общения получаешь.

Машина дернулась. И раз, и два. Потом двигатель опять заработал. С пригорка уже виден город Балхаш. Двигатель заглох. Машина накатом тихо спускается к городу. Заправка слева. Машин нет. Подкатываю к бензоколонке и останавливаюсь. Братья смотрят по сторонам и молчат. Я их понимаю. Это от благоговения перед Господом. Мы проехали около четырехсот километров практически при пустом баке.

Смиряюсь. То есть склоняюсь к окрашенному синей густой краской зарешеченному окну и спрашиваю читающую старую газету заправщицу:

— Бензин есть?

— Нет.

— А когда будет?

— Обещали дня через два-три, а то и пять, подвезти.

— Придется подождать, — говорю я и спрашиваю: —

Хотите Новый Завет почитать?

— Да. Почему бы и нет?

Дарю ей Новый Завет. Она спрашивает:

— Откуда?

— Из Караганды. В Бишкек.

В ее глазах удивление. Она открывает Новый Завет, а я иду к машине, беру Библию. Хочу к проповеди подготовиться. Братья решили в магазин пойти, может, что съедобное раздобудут. Карагандинцы нам на дорогу «тормозки» собрали. Но на такую задержку не рассчитали.

Читаю. Слышу, машина подъезжает. Грузовая. С прицепом. Бензовоз! Выходит заправщица, и бензовоз сливает свой драгоценный груз в зарытую в земле цистерну. Заправщица расписалась, и он уехал.

— Ну что ж, орлы, заправляйтесь. Раз вы такие ... — она не находит слов. — Я вам полный бак залью. Десять литров положено, но вам так далеко ехать, и вы такие решительные.

Пришли братья. Удивляются. На глазах слезы. Едем и поем:

«Что за Друга мы имеем...»

На этом бензине мы до Чу доехали. Тоже четыреста километров.

...Гена уже весь седой. А глаза светятся. Молодые.

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ

В здании нашей миссии в Киеве, в конференц-зале, на выходные собираются одна за другой три разные церкви, а по всему зданию, в разных помещениях, в

течение всей недели работает много групп по изучению Библии.

Сегодня после заседания правления миссии я решил посетить собрание общины «Дом милосердия». Ее пастор — Игорь Роговой. Но, как оказалось, его сегодня нет. Я огорчен: очень хотелось его увидеть. Мне предложили сказать проповедь, что и делаю с радостью.

Во время проповеди я рассказываю в качестве иллюстрации о том, как Господь во время моей службы в армии послал мне Новый Завет. Я читал его, и Господь наполнял меня силой и светом, давал утешение и ободрение. Воспоминания об этом времени у меня всегда живы. Как я могу забыть, как во время чтения, а читал я Новый Завет, стоя на коленях в кабинете начальника штаба, где я каждое утро делал уборку, в мою душу сходил небесный свет, как по всему телу расходилось непередаваемое словами ощущение?!

В общем, привожу я эти переживания в проповеди в качестве примера и говорю, что на прошлой неделе я, наконец, нашел ту канадскую церковь, которая в 1964 году, то есть ровно сорок лет назад, выпустила «мой» Новый Завет. Я написал письмо с благодарностью и низким поклоном всем ее членам, которые когда-то приняли участие в финансировании его издания. Я написал церкви о том, как Господь формировал меня в армии и какую роль в этом сыграл изданный ими Новый Завет.

После проповеди меня вновь приглашают пройти вперед, к кафедре. Мне говорят, что церковь имеет такой обычай: молиться о всех, кто говорит у них проповедь

впервые. Обо мне будет молиться один из старейшин, Виктор Сикорский.

— Мы знакомы, Владимир Андреевич, — говорит Виктор. — Я сам из Балтийска. Когда вы проходили там службу, я лежал в местном госпитале — я был такой бандит... Но это прошлое. Когда я, много лет спустя, сидел в тюрьме и отчаянно искал Библию, кто-то дал мне адрес и сказал: «Напиши туда. Они пришлют тебе Библию». Я не поверил, но написал. Кто мог поверить, что в тюрьму кто-то пришлет Библию из Германии?! Но прошло совсем немного времени, и я получил бандероль. В ней была Библия. Отправитель — В. Цорн из Корнталя. Эта Библия изменила мою жизнь. Сам Бог говорил со мной через нее.

Круг замкнулся. Виктор молится за меня, а у меня от невероятности происходящего кружится голова.

УТЕШЕНИЕ

У одной женщины, назовем ее Мария, духовные проблемы. Она покаялась, а освобождения нет. Мы с Эльвирой в очередной раз беседуем с ней. Теперь уже у нее дома. Оказывается, ее книжные полки полны всяких книг оккультного содержания. Собрали мы их все в кучу — она решила их уничтожить. Помолились с ней, и она отреклась от всего этого мракобесия.

— Не могли бы вы побеседовать с моей племянницей

Леной? — спрашивает Мария. — Я ее тоже всякими так называемыми «народными методами» лечила.

Лена болеет. Ей двадцать пять лет. У нее рак. Лена с нами в комнате, она все слышала и видела. Я объяснил ей суть Евангелия и спросил, желает ли она принять Христа как своего Спасителя и Господина жизни и готова ли она отречься от врага души ее и всех связей с ним. Лена этого хотела.

Сначала Эльвира молится о Лене. Потом молится Лена. Она кается, отрекается и благодарит Бога за прощение и освобождение. Потом молюсь о ней я. Под своими руками я чувствую ее волосы, легкое прикосновение.

— Аминь! — говорю я, и мы встаем с колен.

Эльвира слегка сжимает мою руку и тихо шепчет:

— Смотри, она освободилась.

И я это вижу. Радуюсь. Всегда радостно видеть отпущенного на свободу человека.

Лену мы посещаем часто. Она слабеет день ото дня. Она бы очень хотела принять крещение, но слишком слаба. Однажды я читал ей из восьмой главы Послания к римлянам: «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по *Его* изволению, все содействует ко благу. Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями. А кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил. Что же сказать на это? Если Бог за нас, кто против нас?» Я надеялся, что слова

о том, что любящим Бога все содействуют ко благу, утешат ее, а она вдруг говорит:

— Так что, я буду похожа на Иисуса Христа, когда буду там?

— Да, конечно. Это не мои слова, это Священное Писание так говорит, — отвечаю.

— Я этого не знала. Я себе и представить не могла, что такое может быть. Тогда я могу спокойно умирать.

На ее просиявшем лице заиграла улыбка, и она с глубоким вздохом облегчения откинулась на подушках.

РОДНЯ

Сколько я помнил отца, он всегда искал свою родню. В детстве его усыновили дальние родственники. Первая мировая, потом гражданская война — найти кого-нибудь из родственников ему так и не удалось. Он знал только, что его настоящая фамилия Вольф. Цорн — фамилия родственников его матери, у которых он воспитывался.

Мне всегда было как-то жаль отца, искавшего своих родных.

Родня — часть жизни, ее цвет и колорит. Столько разных людей, не выбиравших друг друга, связаны неразрывными узами!

Нас много. Нас очень много. Родня у нас такая большая, что нам трудно найти помещение, чтобы праздновать вместе Рождество.

В церкви поет хор. Слушаю, радуюсь. Смотрю на лица: еще больше радуюсь. Племянница, еще три племянника, сын, дочь за пианино, дочь поет в альтах, еще племянницы (три в одном ряду), три сестры...

— Вальдемар, ты лучше скажи, кто тут не твои родственники, — говорит наша гостья из Москвы Шириной Досова, которой после собрания представляю родню.

— Ты же как таджичка знаешь, что такое большая родня. Какое это благословение! Аврааму Бог сказал: «Благословляя благословлю и размножая размножу». Конечно же, мой отец не Авраам и мать не Сарра, но Бог — Тот же. Я уверен, Ему нравится большая родня. Его семья вон какая большая — по всему миру. Миллионы!

Смотрю на собрании на тетю Катю Кнаус, сестру моей матери, и ее многочисленное потомство, смотрю на маму и ее потомство и радуюсь.

У родителей моей жены — почти все дети и дети детей здесь. Много нас.

Я родне своей радуюсь.

ВЕРУЮЩИЕ НЕ УМИРАЮТ

Недалеко от нас есть город Бёблинген. Ездим мы туда уже лет пять: посещаем наших друзей — евреев, приехавших из России и Украины. Им все интересно, однако сделать решительный шаг к Господу они не хотят. Почти все.

Но одна женщина обратилась ко Христу и обрела мир с Богом. Мы с Эльвирой ее часто навещаем: она очень больна. Зовут ее София Севериновна. Мужа ее зовут Семен Романович. Мне редко приходилось встречать людей, которые бы хранили свою любовь и в таком возрасте. Семейные отношения у них действительно образцовые. Таких людей приятно посещать.

У Софии Севериновны рак. Уже много лет. Мы навещаем ее и в больнице: она читает Библию подряд, и у нее есть вопросы, особенно по пророкам.

Позвонили наши друзья из Бёблингена — София Севериновна умерла. Просят нас похороны организовать. Все родственники и друзья — неверующие, одна она — еврейка, принявшая своего Мессию и Его Царство.

На похороны пришли врач и медсестра из больницы. Мы попрощались с бренными останками нашей сестры и поехали к Семену Романовичу — разделить его печаль и скорбь.

В квартире тесно от народа: Софию Севериновну все любили и уважали. Один за другим встают ее друзья, говорят хорошие слова о ней и пригубливают рюмки.

Встает Семен Романович и говорит:

— Я был у постели Софии, когда врач мне сказал, чтобы я позвонил сыновьям, так как времени осталось немного. Дело часов, а не дней. Приехали сыновья. Собрались мы вокруг постели. София держит мою руку в своей и смотрит на меня прощальным взглядом. Пожала мне руку, улыбнулась и смотрит куда-то мимо меня так,

что я понял: за ней пришли. Я знаю, за ней пришел Тот, Кому она верила.

Я слушаю свидетельство нашего друга Семена Романовича, и мне, как никогда раньше, стало ясно: верующие не умирают — за ними приходят.

У ЕГО НОГ

Я такого никогда раньше не переживал.

Андрей Бондаренко, руководитель нашей миссии в США, организовал конференцию наших читателей на северо-западе, в городе Ванкувере.

Мы переживали: как она пройдет? Читатели наши — верующие и неверующие, баптисты и пятидесятники, харизматы и мессианские евреи.

Составили программу и молились только об одном: «Господи! Благослови нас Твоим присутствием.

Мы хотим провести эти несколько часов у Твоих ног. Удали все, что может помешать нашему общению с Тобой».

— Народу-то сколько, смотри! — как всегда, возбужденно и энергично говорит Андрей.

Зал заполнился людьми, пришедшими провести время у ног Христа вместе с нашими известными поэтами Верой Кушнир и Николаем Водневским.

С первой молитвы и первых слов зал замер в благоговении. Божье присутствие было настолько реальным

и ощутимым, что, я думаю, перед Его лицом всем было стыдно думать о том, что нас разделяет.

Настолько реально было единство Церкви Христовой, что даже воздух казался наполненным ароматом мира.

Вера Кушнир читает свои стихи и говорит о своем отношении к Господу: «Его невидимые руки провели меня через всю жизнь». Николай Водневский говорит слово и читает свои стихи. Я смотрю на него, вижу его стоящим за кафедрой, а себя ощущаю сидящим на берегу моря, за дюнами, и слушающим радиопередачи из Монте-Карло. Я слышу его слова, такие же пламенные и посвященные одной цели: быть с Господом. «Там, в небе, моя отчизна», — говорит поэт и смотрит прощальным взором в зал.

Три часа прошли как одна минута. Когда любишь, время не имеет над тобой власти. Любящие Бога живут вечно.

Уже сейчас.

СОДЕРЖАНИЕ

Эх, сын родился!	9
Весна	11
Горох	12
На плечах отца	13
Первая любовь	15
Что делать, если на тебя упадет атомная бомба?	16
Коньки	17
Зима	20
Штунда	22
Пол в новом доме	23
Станция Сарань-Угольная	25
Я умею плавать	29
Власть книги	29
Встреча Нового года	31
Конец детства	32
Урок археологии	34
Переезд	36
Шлагбаум	37
Настоящее чудо	39
Урок	42
ЭССС	45
Практика	46
Не упади!	49
Свет и тьма	50
Завет	52
95109	53
Новый Завет	57
Друг	60

Зачем Бог посадил в саду дерево познания?	61
Подводные камни	63
Тумбочка	65
Надоела ему жратва	66
Радость	68
Саранск	70
Кости	71
Иван Моисеев	73
Счастье	75
Наставник	77
«Москвич»	80
Склад	81
Сын	82
Смерть	84
В Литву	84
Призвание	87
Дети	90
Бета и Раймонда	93
Деталь	95
Страх	96
Защита крови	98
Не понимаю	100
Четыре чуда Израиля	101
Электрик	103
Три убийства	105
Останови машину!	108
Атлас Западной Европы	110
Ночь во Фридланде	112
Ангела мы не видели	114
Что вы намерены делать?	115

Два открытия	117
Младшие	119
Моя церковь	120
Дом	122
Праздник	123
Дар	126
Вспомни!	128
Рубеж	130
Мое время	132
Письмо	135
Его народ	137
Меконг	139
Олег	140
За Алтаем	141
Украинцы	143
Молокане	144
Две женщины	145
Искупленные одной кровью	148
Ночь	150
Пугало	151
В стране Господа	153
Вдвоем	154
Друг в гостях	155
Что за Друга мы имеем!	157
Круг замкнулся	161
Утешение	163
Родня	165
Верующие не умирают	166
У Его ног	168

Христианский журнал «Вера и жизнь» издается уже 30 лет. Это совсем не малый срок для периодического издания. Он духовно поддерживал верующих в Советском Союзе в то время, когда быть христианином было небезопасно. Среди его благодарных читателей были не только наши отцы и матери, но и бабушки с дедушками.

...1974 год. Миссионерский союз «Свет на Востоке» пригласил Николая Александровича Водневского в Германию на ежегодную конференцию. К тому времени у него уже был семилетний опыт издания и редактирования христианской газеты. Когда речь зашла о возможной совместной работе, Водневский поделился своей мечтой издавать 32-страничный альманах, целью которого было бы распространение Евангелия и углубление духовной жизни верующих. Даже название для него уже было придумано – «Вера и жизнь».

В то время технические возможности миссии были весьма ограничены. Не было ни компьютеров, ни типографской машины, на которой можно было бы набирать крупные заголовки. На помощь приходила находчивость. Заголовки вырезались из различных газет и журналов советских времен: «Золотые россыпи» из «Правды», «Молодые порывы» из «Комсомольской правды», «Без труда – никуда» – из «Известий», «Великая правда» из журнала «Огонек». Эти заголовки-лозунги в духовном контексте приобретали иной смысл.

Конечно, журнал изменился. Другим стал и стиль подачи материала, и оформление. Теперь никто не вырезает заголовки из газет, все делается на компьютере. Увеличился авторский коллектив. Тираж журнала вырос почти в пятнадцать раз – с семи до ста тысяч экземпляров. Его читают в 70 странах мира.

Поддерживая своими пожертвованиями издание журнала «Вера и жизнь», вы тем самым становитесь миссионерами „второго эшелона“.

Издательство «Свет на Востоке»

«Листая памяти страницы...» – книга о жизни, богатой событиями, встречами и расставаниями, печалью и радостями.

Жизнь всегда больше книги, и автор, оглядываясь назад, выбирает из прожитой им «книги» самые дорогие и значимые «страницы» и раскрывает их перед читателями, приглашая к сопереживанию и совместным размышлениям.

Читателей ожидает радость творческой сопричастности – их память отзовется своими воспоминаниями, очень схожими с тем, о чем пишет автор книги, и совершенно иными, потому что у каждого своя жизнь и свои «страницы памяти».

Эту книгу нельзя пересказать, ее можно только прожить – увидеть мысленным взором картины и лица, ощутить дыхание времени и осознать Божье присутствие в каждом эпизоде бытия.